

Ольга
Бруснигина

ГОРОДСКОЙ ПАРК

Книга 1.

Любовь под грифом
«СЕКРЕТНО»

Тайный код Карины

Ольга Бруснигина

**Любовь под грифом «Секретно».
Тайный код Карины. Книга 1**

«Автор»

2026

Бруснигина О.

Любовь под грифом «Секретно». Тайный код Карины. Книга 1 /
О. Бруснигина — «Автор», 2026

Карина выросла в детдоме. Ей было предначертано тихое будущее после училища, но вместо этого она оказывается в переделке. Она — одна из никому не нужных сирот, которых тайная организация превратила в идеальное оружие. Их цель — Кирилл, гениальный программист, создавший непробиваемую систему защиты для крупнейших банков. Чтобы завладеть его кодом, Карина должна стать той девушкой, которой он сможет довериться. План безупречен: влюбить в себя, украсть флешку и исчезнуть. Но когда расчет сталкивается с настоящим чувством, правила игры меняются. Карина стоит перед выбором: предать человека, который стал дорог, или подписать себе смертный приговор, отказавшись от миссии. У Карины нет прошлого и нет будущего. Есть только отчаянное желание дожить до рассвета, чтобы подарить этот мир своему будущему сыну. Любое сходство с реальными людьми, а также совпадения географических названий являются случайными. Все персонажи и места действия, организации и сюжетные линии — плод авторского воображения.

© Бруснигина О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Бруснигина

Любовь под грифом «Секретно».

Тайный код Карины. Книга 1

Глава 1

Осень танцевала вальс прощания. Загрустив вместе с нею, люди ступали в такт дуновению ветра, появившегося из далеких северных стран. Им в наказание — ледяные струи небесно-чистой воды, смывающей остатки воспоминаний о жарком лете. Для всех без исключения — пора грусти с созерцанием увядания природы. Печально наблюдать, как деревья теряли остатки яркого убора, застилая желтым ковром землю. И все же осень — удивительная пора, когда наступало умиротворение, время подведения итогов. В ней не было суровости зимы, легкости весенней поры, летнего сумасшествия. Уходили прочь суетливые вечера, преисполненные романтической чуши.

Пусть это время года вызывало депрессию, но и в ней можно было отыскать частичку волшебства. Появление на свет осеннего малыша — великое чудо! Детишки, рожденные осенью, в отличие от остальных, имели все шансы прожить уникальный срок. И судя по гороскопу, им предназначалась замечательная жизнь, когда успех считался обыденностью. Впрочем, у Провидения были свои планы. Никто не мог выбирать, где и когда ему появляться на свет. Как говорится: «Такая опция в меню настройки отсутствовала» и время года здесь вовсе не причём.

В боксе родильного отделения находилась только одна роженица. Молодая девушка, сутки назад ставшая мамочкой, устроилась на кровати, подогнув под себя ноги. Она кусала губы и покачивалась туда-сюда, словно кукла-неваляшка. Её стремление затянуться сигаретой и глотнуть чего-нибудь покрепче, было почти непреодолимым. Грязные волосы, собранные в небрежный клубок на макушке, подчеркивали её неряшливость и выдавали происхождение из неблагополучной среды.

Новоявленная мать раздражённо хмурила брови и нервно грызла ногти. Она то и дело отправляла взгляд в проём окна, за которым в однообразно пасмурном пейзаже не происходило никаких значительных изменений. Всё- то же небо, до краев заполненное серыми тучами, старая покривившаяся берёза со стайкой галок на ветвях.

К малютке эта девушка не испытывала материнского всепоглощающего чувства. Наоборот, она приняла появление ребёнка, как расплату за грехи, совершенные в состоянии забвения. В её душе, преисполненной пустоты, не находилось даже малого уголка, чтобы поместить крупцу угрызений совести.

Побег роженицы остался незамеченным. Просто однажды утром эта самая мамочка скрылась из больницы в халате и стоптанных тапочках. Она растворилась в неизвестности, поскольку адреса своего не оставила.

— Ну как так? Даже имя не дала, — сетовала пожилая акушерка, разглядывая лицо малютки, завернутой в тугий кулёк казёнными пелёнками.

— И не говорите, Ирина Павловна, — соглашалась с ней медсестра напарница, — на моей практике такое первый раз. А работаю я здесь, слава Богу, двенадцатый год.

— Сбежала кукушка бесстыжая! Как же мы упустили её из виду? Вечером я обошла палаты — она крепко спала, ранним утром снова заглянула — та же картина. Но вряд ли бы мы смогли удержать её. Такая странная — всё время молчала, злилась, даже разговорить её толком не вышло. Я пыталась: спрашивала о том, о сём, а в ответ — тишина. Видимо, она заранее задумала смыться, едва появилась здесь.

— И дочку свою на руки даже не взяла. Я приносила ей, предлагала несколько раз... Грудью сразу кормить отказалась.

— Конечно, отказалась, — хмыкнула Ирина Павловна, — не хотела привыкать, знала наперёд, что бросит.

— Как же это несправедливо! Девочка, какая прелестная получилась — дар Божий.

— Я только взглянула на неё — сразу поняла, какое для неё подойдёт имя: Карина. Глянь, какая необычная — смугленькая, смешанных кровей.

— Больно уж мала, крошечка совсем, — качая головой произнесла медсестричка.

— А как иначе? — родилась раньше срока, семимесячной. Всего-то кило семьсот.

— Ничего, были бы кости — мясо нарастёт. А вот скажите, Ирина Павловна, какую фамилию мне вписывать в справку о рождении Карины? Матери, что ли? Как там её... Не помните?

— Представь, она поступила в роддом вообще без документов — паспорт якобы потерялся. Сообщила что студентка. Карточку заводила с её слов, но подозреваю, что там сплошное враньё — и имя, и фамилия, и адрес, и дата рождения тоже. Пусть теперь это останется на её совести. А, знаешь, да ну, её к лешему! А наша малышка Карина Ульяновой будет.

— Ульяновой? Но почему же?

— Как почему? В нашем городе чуть ли не каждый третий Ульянов. Так зачем лишать малышку связи с родным местом? Может, судьба забросит её далеко отсюда, а спустя годы она вернётся обратно, почувствовав зов крови. Может и мамашу свою неразумную искать захочет.

— Обязательно вернётся, — согласилась медсестричка, — вы правы, как никогда. Ульянова, так Ульянова. Сегодня же оформлю и в опеку сведения передам.

Ещё раз, взглянув на прелестное лицо Карины, медсестра вздохнула, жалея, что не может оставить отказницу себе. Ведь муж был категорически против чужих детей, хотел исключительно своих.

— Невероятно, кому-то такое счастье выпадает, а они не ценят! — возмущённо произнесла она, — почему жизнь так несправедлива?

— Оттуда сверху лучше видно, кому и что положено. — Привычно откликнулась Ирина Павловна, неизменно полагавшая, что над всеми незримо вершатся справедливые Божьи дела.

— Может и так. Жаль только, что страдают невиновные. Вот какой спрос с этой малютки? Она никому ничего плохого не успела сделать, а оказалась ненужной, брошенной, наказанной.

— Смотри с другой стороны. С такой мамашкой она подвергалась бы опасности каждый день и не видела бы в жизни ничего хорошего. Может таким способом она будет спасена или получит шанс оказаться в нормальной семье.

— Вы же знаете, я пятый год не могу ребёнка завести, а эти рожают, бросают. Больно видеть такое!

— Да, больно и обидно. Но жизнь так устроена и люди разные бывают. Эта горе-мамаша сто раз потом будет сожалеть, но вернуть ничего не сможет. Думаю, она все же получит по заслугам, — вновь изрекла мудрую мысль Ирина Павловна.

Карина сладко посапывала, сытно пообедав молочной смесью, и не подозревая, что с первого мгновения своего появления на свет ей придётся бороться за место под солнцем.

Мамочка Карины, совсем юное создание, долго скрывала «интересное положение», тем самым допустив вероятность её рождения. Тот разгульный образ жизни, который она вела, не давал малейших намёков на предполагаемого отца девочки. Кто угодно мог оказаться горе-папашей. Порой за месяц насчитывалось до десяти кандидатов. Она перебегала из одного притона в другой, обзаводясь новыми знакомствами и беспорядочными связями.

Приехав из деревни, учиться в колледже на повара, она обосновалась в общежитии среди таких же провинциальных девчонок. Свобода от родительского внимания оказалась сладкой

и манящей. Симпатичная мордашка давала пропуск во взрослую жизнь со всеми её удовольствиями, где в приоритете сплошное веселье, море вина и куча партнеров для секса.

Первые знакомства ограничивались ребятами со старшего курса, но интерес к нищим студентам быстро иссяк. Рядом начали появляться взрослые дядечки, уставшие от семейного быта. Оказалось, что она могла неплохо зарабатывать при этом. По пути попадались интересные личности, ради сиюминутных приключений готовые выложить пару тысяч. Постепенно девчонка превращалась в ночную бабочку, летящую на манящий свет лёгких денег.

Родители строгих правил, прежде следившие за дочерью, за каждым её шагом, установили ряд незыблемых правил. Повинуясь воле семьи, послушная школьница свыклась с установленными порядками и смиренно соблюдала условия своего воспитания. Однако оказавшись вдали от надзора, за триста километров от дома, она пустилась в разгул, позволяя своим порывам вести её ноги по самым злачным местам. Учиться она бросила, а работать не хотела. Жила, где придётся.

Где-то там, пребывая в пьяном веселье, она забеременела. Когда поняла, что живот начал расти, было уже поздно что-то сделать. Родителям побоялась сообщить эту новость, решила скрыть, а от ребенка отказаться. Все удалось, как она и задумала.

Неразумная мамашка бежала прочь из роддома, навсегда забывая о брошенном ребёнке. Она не испытывала ни капли сожаления по поводу своего грязного поступка, лишь огромное желание поскорее вернуться в привычную среду.

И уже следующим вечером, находясь в полнейшем алкогольном угаре, в компании собутыльников, она травила байки о трудном детстве, несчастной доле ребёнка из многодетной семьи, хотя ничего подобного ей испытать не довелось. Ради цели привлечь внимание она мастерски сочиняла фантастические сюжеты. Случайные подружки с фингалами под глазами и такие же «колоритные» кавалеры внимательно слушали, одобряюще кивая головой и демонстрируя искреннюю поддержку.

Тема с маленькой дочуркой испарилась, словно её и не было никогда.

Глава 2

Малышка с тёмно-карими глазами смотрела на мир, понимая, что с момента рождения одиночество станет её нормальным состоянием. Сначала она попала в дом малютки, затем в детский дом. Обшарпанные казённые стены сплошной чередой сменяли друг друга. Всё та же потрескавшаяся зеленая краска, оборванный линолеум. Холодные спальни были заставлены рядами жёстких коек, застеленных грубым бельём, пропитанным запахом хлорки.

Вокруг Карины было множество детских глаз, полных слёз и надежды, внимательно следящих за каждым взрослым, приходящим в детский дом. Ведь однажды здесь могла появиться та самая добрая тётя, которая бы ласково погладила по волосам и сказала: «Я — твоя мама». Об этом мечтали все без исключения и терпеливо ждали, когда их заберут.

И вот за Кариной действительно пришли. Бездетная семейная пара остановила выбор именно на ней, решив сделать частью своей семьи.

Знакомство Карины с потенциальными родителями прошло удачно. По торжественному случаю, наряженная в розовое платье в комплекте с огромным бантом в волосах, она выглядела куколкой. Ее очаровательная внешность привлекла внимание гостей детского дома, которые постоянно шептались друг с другом, восхищаясь ребёнком. До Каринки долетали отдельные фразы вроде «красотка», «лапочка», которых раньше ей слышать не доводилось. Ощущая искреннюю теплоту чужих улыбок и нежных прикосновений, она надеялась, что эта пара заберёт её. Однако вскоре посетители покинули учреждение и долгое время не появлялись. Поплавав немного украдкой, Карина замкнулась в себе, но по-прежнему продолжала ждать.

И вот однажды утром, после завтрака из невкусной вязкой овсянки и приторно-сладкого какао, которое оставляло тёмные следы на подоле, строгая воспитательница резко крикнула на всю группу:

— Карина! Немедленно подойди ко мне!

Карина испуганно взглянула на свою одежду. Так и есть, на платье отчетливо «красовались» коричневатые разводы, способные вызвать раздражение воспитательницы. Она спешно поднялась со стульчика и попыталась затереть пятна прямо рукой: «Сейчас точно попадёт по первое число...» — подумалось ей.

— Оставь, — вполне миролюбиво попросила воспитательница, — мы сейчас быстренько переоденемся. Надо поспешить, дорогая!

— Меня опять поведут на уколы? — спросила Карина, вспомнив вчерашний разговор медсестры о прививках.

— Нет, моя хорошая, всё гораздо лучше, — вздохнув, ответила воспитательница. Она была строга, но души не чаяла в детях и старалась привнести в их жизнь хотя бы капельку заботы и внимания. — Тебя хотят видеть наши посетители.

В кабинете директора Карину ожидали новые родители, пришедшие по важному поводу вместе с большим медведем.

— Вот держи! — сказал мужчина, вручая игрушку, — нравится?

Каринка сразу схватила медвежонка и прижала к груди настолько крепко, что, если бы он был живым существом, задохнулся бы от нехватки воздуха.

Воспитатель, сдерживая волнение, только и смогла вымолвить:

— Карин, не молчи! Что нужно сказать в таком случае?

Вместо ожидаемой благодарности юркая малышка мгновенно бросилась к новой маме и повисла на ней, вызвав неподдельное умиление у сотрудниц детдома. Такая душещипательная картина довела до слез не только взрослых, но и других детишек неожиданно появившихся в дверном проеме.

Но и здесь было не всё так просто! Мотив благого поступка приёмных родителей представлял некое сочетание желания материнства и вместе с тем оправдания общественного мнения по поводу, что семья без детей считалась неполноценной.

Потенциальный отец не настаивал на изменении своего семейного состояния. Его и так все устраивало. Но любимая жена уже долгое время мечтала о ребенке. Взвесив все плюсы и минусы, он согласился.

Супруга, которая была гораздо моложе его, отличалась переменчивостью характера и склонностью увлекаться новыми идеями. Ее энтузиазм вспыхивал ярко, но угасал почти мгновенно, оставляя начатое незавершённым. Такими намерениями в их квартире периодически появлялись самые разные питомцы — от кошек до черепах, которые потом благополучно передавались в более добрые руки.

Семья, в которую должна была попасть Карина, обладала всеми благами. Здесь царил простой принцип распределения обязанностей: муж зарабатывал, а жена тратила. За всю свою жизнь она нигде не работала, даже трудовой книжки не имела. Зачем ей это? Ведь были куда более привлекательные занятия, способные разнообразить монотонные дни и подчеркнуть высокое социальное положение: походы на выставки, концерты, визиты к психологу, массажисту, косметологу и другим кудесникам красоты. Однажды даже было увлечение оккультными науками. Она регулярно обращалась к экстрасенсам, прогнозирующим светлое будущее. Муж покорно выполнял любые желания, давно смирившись с таким житейским укладом. Для него было куда важнее иметь рядом молодую ухоженную жену, идеально подходящую под его руководящую должность.

Для женщины, не испытывавшей радость материнства, наступил переломный момент, когда ровесницы-подруги всю участвовали в жизни детей, посещали утренники и родительские собрания, тогда как она чувствовала себя чужой среди их общих интересов. У неё не получалось родить собственного ребенка, однако дети казались ключом к увлекательному миру, полному воздушных шаров, мягких игрушек и праздничных тортов со свечами на дни рождения. Окончательным толчком к удочерению стала совместная поездка с подругой на концерт юных талантов. Там мамочки восторженно хвалили своих одарённых ребятшек, выступавших на сцене. Именно тогда она мысленно представила свою очаровательную дочку, блистающую перед публикой, как та заслужила море аплодисментов. А ей, как самой выдающейся маме, за хорошее воспитание вручили бы заслуженную грамоту. Этот миг подарил невероятное чувство вдохновения и желания обрести ребёнка, обязательно девочку. «С девчонками куда меньше хлопот» — думалось тогда.

Но история появления Карины в просторной квартире с белоснежными интерьерами обернулась неприятностью. Новые родители переоценили свои возможности, а сиротка из детского дома не смогла оправдать их ожидания. Она не вписывалась в строгие рамки культурных норм поведения: грызла ногти, отказывалась причёсываться и мыться, иногда могла и руками залезть в тарелку. Это создавало полный беспорядок и разочарование.

Дальше становилось только хуже. Сначала Карина стала незаметно таскать мелочь из карманов. Приёмные родители ничего не заметили, и она осмелела: начала присваивать всё, что казалось ей ценным. Украденные ею конфеты хранились под матрасом, колбаса и сосиски — под подушкой или в шкафу среди одежды.

Обнаруживая тайники, приёмная мама испытывала одновременно грусть и жалость к дочери. Её удивляла привычка Карины откладывать пищу про запас, словно та боялась остаться голодной. К тому же, спрятанная еда быстро портилась и распространяла неприятный запах по всей квартире.

— Карина, крошка моя, — пропела однажды ярко-алыми губами мамочка, пойдём, я покажу тебе, где лежат конфеты. Они все твои, не стоит совать их, куда не следует. Ешь, сколько захочется. А когда шоколадки закончатся, мы купим ещё.

Постепенно до Карины дошло, что еды в этом доме в достатке. Она лакочилась чудесным виноградом или уплетала странные на вкус мидии прямо пальцами из банки. После, вытерев масляные ручки об подол нового платица, переключалась на клубнику. При этом её никто не ограничивал, не вводил запретов, наоборот, мамочка радовалась, что ребенок становился румяным и упитанным.

Комната Карины была выполнена в стиле последних модных тенденций, утопая в нежном розовом цвете. Шкафы буквально ломились от изобилия нарядных платьиц, юбочек и уютных кофточек. Карину поражало разнообразие ярких игрушек и книг с прекрасными картинками. Она полюбила перелистывать любимые сказки перед сном, мечтая стать одной из золотоволосых феечек, творящих чудеса и волшебные превращения.

Казалось, ещё чуть-чуть — и Карина смогла бы искренне привязаться к этому дому, новым родителям и принять предложенные ими правила, обретя счастье и заботу. Однако вскоре ситуация резко изменилась.

Как-то раз, вечером в доме собрались влиятельные гости. Пришла пора статус полной семьи выводить в свет. Карину нарядили как принцессу, чтобы произвести впечатление на придирчиво настроенных друзей. Эти знакомые упорно утверждали, что взять ребёнка из детства — плохая затея, возможно, даже рискованная. Хозяйка же стремилась убедить всех в обратном, показать, как правильное воспитание благотворно влияет на брошенного ребёнка.

— Посмотрите, какая прелесть, — сказала она с гордостью, — встань сюда, Карина, пусть все хорошенько рассмотрят тебя.

— Да, милашка. Прямо, куколка, — согласилась гостья, замечая, что девочка в действительности обладает уникальной красотой.

— Благодарю, дорогая! — ответила мама Карины, широко улыбаясь. Наконец-то у нее появился шанс вести долгие разговоры о воспитании.

Вместе с гостями приехал мальчик примерно одного возраста с Кариной — пухлый и чересчур шумный. Несмотря на комплекцию, он постоянно суеился, громко кричал, перебивал старших и настойчиво привлекал к себе внимание. Его тонкий противный голос совсем не соответствовал внешности, особенно раздражал его глупый неуместный смех.

Приёмная мама предложила деткам поиграть вместе в комнате, ведь ей так хотелось обсудить с друзьями подробности появления в их доме нового члена семьи.

Карина нехотя согласилась лишь потому, что не хотела мешать взрослым. Она не представляла, во что можно было сыграть с капризным мальчишкой, который постоянно орал.

Едва беседа родителей набрала верный ход, увлекла общей темой и создала атмосферу доверия, всё внезапно рухнуло. Резкий крик заставил мгновенно броситься в детскую. Картина, представшая там, подвергла их в шок. Карина свирепо глядела сверху вниз на распластавшегося на полу мальчишку, отчаянно дёргающего ножками.

— Она укусила меня! — захлёбываясь слезами, выкрикивал он.

На мягкой ручке пухленького ребёнка алел чётко обозначенный отпечаток зубов. Родители поспешили поднять и утешить пострадавшего сыночка, обмениваясь осуждающими взглядами и неодобрительными репликами в сторону хозяйки.

— Гены, ничего не поделаешь, — сердито высказались друзья семьи, и ушли к себе домой в дурном настроении.

Приёмная мамочка впервые расплакалась, вновь и вновь вспоминая неприятный эпизод. Желание стать матерью таяло, уступив место осознанию ответственности. Как и следовало ожидать, она становилась злой безо всяких причин. Постепенно красивая девочка из детского дома перестала быть воплощением её мечты, превратившись в источник раздражения.

— Карина, срочно вымой руки! — ворчала она, — Неряха! И переоденься! Сил больше нет смотреть на тебя!

Её голос утратил мягкость, придирки по бытовым пустякам постепенно перерастали в крупные ссоры. Мамочка часто кричала, доводя себя до истерики. В это время Карина обиженно забивалась в угол за шкафом, шептала обидные слова. Внутри у нее накапливался ком гнева, сжимающийся всё сильнее. Иногда боль была невыносима, хотелось наброситься с кулаками на приёмную мать. Шанс жить в комфорте и сытости для Карины теперь не имел значения. Её измученная детская душонка испытывала муки несправедливости. Её не любили, а только притворялись.

«Ты нам неродная, чужая...» — однажды произнесённая фраза эхом звучала, оставляя незаживающую рану. Даже без этого напоминания Карина чувствовала себя несчастной, а постоянные упреки и крики лишь усиливали страдания. Ведь она мечтала совсем о другом: о маме и папе, которые бы любили её просто так, не ожидая безупречного поведения и исполнения команд.

Незнающая настоящей материнской ласки девочка, тоже не знала, как любить. Более того, она остро переживала своё несоответствие требованиям, необходимым для признания хорошей дочерью. Мать неоднократно повторяла, какими должны быть нормальные дети — вести себя тихо, быть опрятной и нарядной, не материться, уметь произносить вежливые слова и постоянно выражать благодарность за оказываемую милость.

После очередной стычки Карина приняла невероятно жестокое решение. Её характер отличался непокорностью, и чувство унижения переполняло настолько, что месть казалась единственным способом выразить накопившуюся обиду. О последствиях она никоим образом не думала.

Стоя в углу комнаты, куда её отправили отбывать наказание, за то что она прыгала на кровати, Карина впивалась ногтями в шероховатую поверхность стены и тихонечко плакала. Злобу уже невозможно было подавить, она нарастала подобно снежной лавине. Окончательно потеряв контроль над собой, Карина решилась на отчаянный поступок. Оставшись дома одна, она взяла в руки большие ножницы.

Вернувшись после званого ужина в ресторане, родители увидели ужасающую картину. Их приёмная дочь самозабвенно развлекалась, судя по масштабу разрушений. Шкаф с одеждой матери был открыт, а вся брендовая и супердорогая одежда валялась повсюду. Посреди комнаты была собрана большая куча тряпья. Карина высоко держала в руках ножницы, словно символ своего протеста. Разрезанные на тонкие ленты изысканные наряды лежали на соболиной шубке, так же растерзанной детской рукой.

Крик несостоявшейся мамочки был слышен на весь дом. А почтенный отец семейства поставил ультиматум. Ему, если честно, надоело видеть жену в плохом настроении наблюдать истерики и постоянно утешать.

На следующее утро в доме появились сотрудницы органов опеки, и вскоре Карина вернулась туда, откуда пришла — обратно в детский дом. Почему-то ей стало гораздо легче. Всё выглядело знакомым и привычным: та же комната с облупившейся краской на стенах, привычные лица сверстниц, рыдающих ночами напролёт. Но именно эта жизнь была для неё близка и понятна, где каждый знал свои обязанности, а каждое слово имело особый смысл.

Желающих принять Карину в свою семью больше не находилось. Замкнутый, молчаливый ребенок, лишённый поддержки и дружбы, постепенно смирился с жизнью по расписанию. Однако этот порядок далеко не всегда соответствовал её стремлениям. Внутренний мир Карины оставался живым и ярким: там царствовали фантазии и грёзы, в которых она свободно парила над облаками, воображая себя феей или прекрасной принцессой. А иной раз, в моменты грусти и злости, представляла себя грозной колдуньей, карающей всех, кто осмеливался сделать её плохо.

Обидчиков в приюте было немало. Старшие мальчишки постоянно пытались утвердиться за счёт слабых малышей, попавших под горячую руку. Подзатыльники и тумаки сыпались как

обычные приветствия. Карина старалась защищаться всеми доступными способами: пускала в ход зубы и ногти, заслуживая репутацию неприкасаемой, с которой было лучше не связываться. Тем не менее, иногда случалось, что более наглый и дерзкий соперник давал ей пару затрещин, пренебрегая её малым ростом.

Карина зачастую плакала. В такие моменты ей хотелось стать невидимкой, чтобы спрятаться ото всех. Мечтала, чтобы перед ней открылся портал в параллельную вселенную с деревьями в небо, на которых росли сладости, с пряничными домиками в которых жили смешливые гномики, желающие подружиться с ней. Уходя в мир фантазий, Карина справлялась с самыми сложными конфликтами и продолжала верить в чудо.

В детском доме не было собственной школы, поэтому учеников возили в местную общеобразовательную. В свой первый класс Карина попала в восемь лет, на год позднее сверстников. Все потому, что она не вышла ростом —этакая «Крошечка – Хаврошечка» малюсенькая, худенькая, ручки-ножки по соломинке.

Учёба упорно сопротивлялась стараниям первоклассницы. Вместо пользы от заданий ей доставалось огромное количество времени, чтобы витать в облаках. Стоило начать урок, а учителю прочесть несколько строк из учебника, как Карина мгновенно погружалась в собственный воображаемый мир, покидая реальность настолько глубоко, что даже громкие окрики доходили до неё не сразу.

— Карина, очнись! — призывала её учительница, — Повтори, что я только что сказала!

— Я не слышала, — честно признавалась горе-ученица, часто хлопая длинными ресницами.

— Нужно быть внимательней. Ведь от того, как ты будешь учиться, зависит вся твоя жизнь. Понимаешь?

— Понимаю, — все так же тихо отвечала первоклассница, но на следующий день история повторялась снова.

Впоследствии Карина заняла прочное место на задней парте, а тройки в дневнике выставлялись автоматически, лишь бы закрыть учебную четверть без проблем.

Однако книги стали настоящей страстью юной мечтательницы. Именно чтение оказалось единственным предметом, вызвавшим искреннее удовольствие и открывшим двери в чудесный мир фантазий. Карина наслаждалась волшебством стихов, легко запоминая любимые строчки. В воображении начали возникать красочные сказочные картины, совершенно отличные от серой реальности вокруг.

Карина поглощала книги из школьной библиотеки огромными стопками, практически не отрываясь от страниц. Поэтому учительница была приятно шокирована, увидев, что школьница, считавшаяся самой слабой по успеваемости, неожиданно показала выдающийся результат на тестировании скорости чтения — целых сто двадцать слов в минуту, став лучшей среди всех одноклассников.

— Вот, это сюрприз! — восхитилась педагог со стажем, — Так держать, Карина! Ты заслуживаешь всяческой похвалы и высокой оценки!

Позже преподавательница гордо делилась радостью с коллегами, подчеркивая, что каждый ребенок способен раскрыть свои таланты. Однако вскоре выяснилось, что математика оставалась для Карины неразрешимой загадкой: ей сложно давались не только написание цифр, но и элементарные арифметические операции вроде сложения и вычитания.

— На пальцах объясняю, — теряя терпение, твердила учительница, — сожми кулачки.

Мучаясь не первый раз, Карина чувствовала, что добром это не закончится.

— Так, разжимай два пальца. А, теперь еще два. Сколько получилось?

Большие карие глаза Карины удивленно смотрели на свои руки с растопыренными пальцами.

— Три? — наугад ответила она и вжала голову в плечи.

— Почему три? – не унималась учительница, — подумай ещё! Все же так просто.

— Два? — продолжала угадывать Карина, не зная правильного ответа.

— Не верно! Давай, пересчитай снова.

— Шесть? — вспомнила Карина еще одну цифру.

Весь класс прыснул дружным смехом.

— Да что же это такое! Наказание просто! — возмущённо воскликнула учительница, окончательно выбившись из сил. — Мы с тобой, Карина, словно в шоу участвуем: «Угадай цифру».

— Четыре, — наконец выдавала Карина правильный ответ, услышав подсказку от одноклассников.

Подобные мучительные испытания повторялись регулярно, однако успехи были мизерными и почти незаметными.

Карина оставалась совершенно одинокой среди класса. Друзей так и не появилось, ведь ребята попросту не замечали тихую, замкнутую девочку. Во время перемен, пока остальные дети носились по коридору и шалили, она предпочитала держаться в стороне. Обычно в это время, сидя за своей последней партой, она погружалась в чтение очередной книжки.

Но однажды в пятом классе произошел случай, который надолго запомнился одноклассникам и навсегда показал, что с этой чокнутой лучше не связываться. Вовка — заводила и шутник, уже давно считался признанным лидером. Его буйная фантазия постоянно порождала дерзкие затеи, далеко выходящие за рамки нормального поведения. В каждое новое озорство он увлекал за собой дружков-хулиганов, тоже готовых поизмываться над более слабыми.

В тот день Вовка заметил идеального кандидата для развлечений. Он уже давно наблюдал за самой маленькой девчонкой в классе, которая никогда не высывалась из своего угла и была по его мнению легкой добычей. Во время большой перемены Карина все так же занимала привычное место, вырисовывая на листе, вырванном из тетради, неведомые круги и петельки. Ее отрешенный вид и увлеченность каким-то непонятным занятием привлекли внимание главного хулигана. Подмигнув своему ближайшему приятелю, Вовка подошел ближе и начал свою зловую игру.

— Эй, ты, чучело! — произнес Вовка, подняв подбородок вверх и кривляясь, словно перед зеркалом. — От тебя воняет псиной аж за километр! Иди, помойся. Или у вас в детдоме воды нет?

Поддержанный дружным хохотом одноклассников, Вовка понял, что попал точно в цель. А реакция друзей ещё больше подстегнула его азарт.

Но Карина никак не отреагировала на провокацию. Она была ниже ростом и физически гораздо слабее Вовки, поэтому решила смолчать, надеясь, что скоро ему станет скучно и он оставит её в покое.

Однако мальчишка не собирался сдаваться так легко:

— К тебе, коза, обращаюсь! — снова он повысил голос. Затем резким движением вырвал из рук Карины рисунок, разорвал на мелкие клочки и грубо засунул ей за шиворот.

Карина медленно поднялась со стула, продолжая хранить молчание...

О том, что произошло дальше, одноклассники позднее рассказывали в кабинете директора школы. Только все повторяли почти одно и то же. Первый удар Вовка получил прямо в нос. Ловкий кулачок детдомовки метко впился в нужное место, и кровь брызнула в разные стороны. Пинок задира получил в место ниже пояса, а кульминацией стала прокушенная острыми зубками рука.

Раненный Вовка вопил от боли и буквально через мгновение весь кабинет заполнили напуганные ученики и учителя, спешившие выяснить причину шума. Прибежала медсестра и принялась оказывать помощь.

Никто даже представить себе не мог, что неприметная, хилая на вид девчонка способна дать столь дерзкий отпор. Вовка был раздавлен и морально и физически. На свою беду он не знал, что Каринка умела постоять за себя. Уже с трёхлетнего возраста она усвоила урок: если хочешь выжить, научись давать сдачи. Ей не единожды приходилось не только получать тумаки, но и раздавать их. По обыкновению она не искала проблем и старалась избегать конфликтов, предпочитая оставаться в тени. Но стоило кому-нибудь обидеть её, как включался режим защиты. Эта готовность воспитывалась болью и слезами и стала частью её натуры.

После этого происшествия родители Вовки устроили в школе грандиозный скандал. Но, увидев крошечную обидчицу сына, не поверили своим глазам.

— Владимир! — удивилась его мама, — не может быть! Ты уступил этой маленькой девочке?

А отец и хуже того — залепил Вовке подзатыльник.

— Ты, значит, девчонок обижаешь? Правильно она сделала, что поставила тебя на место!

Пристыженный поражением Вовка перешел в другой класс, лишь бы избежать позорных взглядов одноклассников. Стоило ему случайно столкнуться с Кариной в коридоре, как ноги сами собой несли прочь со скоростью ветра.

Классная руководительница, поступила мудро — поддержала Карину: Вовка давно нуждался в хорошей трепке. Его выходки надели всем до чёртиков.

Скучная школьная жизнь Карины резко изменилась с появлением молодого физрука, недавно окончившего вуз. Благодаря э тому тренеру у неё открылся талант к спортивной гимнастике. Её стройное тело легко складывалось в изящные фигуры, поражая своей пластичностью. Уже спустя месяц занятий наставник заметил её способности, вдохновив на новые достижения. Несмотря на трудности освоения шпагатов, сальто, стоек и мостов, Карина проявляла удивительное трудолюбие и добивалась значительных успехов.

— Жаль, что возраст упустили, — сокрушался физкультурник, — года три бы назад... из тебя обязательно бы получилась чемпионка.

Но даже, невзирая на позднее начало, юная спортсменка всё ещё оставалась миниатюрной и хрупкой, что позволяло ей заниматься наравне с остальными. К своему тринадцатому году рождения она все еще выглядела ученицей начальных классов.

Тренер постоянно находился поблизости: страхуя каждое движение, отмечая малейшие промахи и показывая новые, головокружительно сложные упражнения. Для детдомовской девчонки, вздрагивающей от любого прикосновения, вначале было трудно принять такое внимание. Однако постепенно, видя теплоту в глазах учителя, она смело протягивала руку, чтобы опереться. Тренер, отмечая старание, мечтал воспитать из неё настоящую чемпионку.

На тренировку Карина бежала, сияя от счастья. И уже не было смысла отрицать, что тайно она была влюблена в физрука. Вслушиваясь в тембр мужского голоса, она улавливала особенные нотки, пропитанные искренней добротой. Когда взгляд тренера задерживался на ней чуть дольше обычного, ее карие глаза вспыхивали радостью. Зная свою особую роль, она умело пользовалась его вниманием, наслаждаясь положением любимой ученицы.

Находясь на пике переходного возраста, Карина пребывала в состоянии, когда мир вокруг виделся по-другому. Её душа жаждала романтики, приключений и ярких чувств. К сожалению, навыки и традиции, закладываемые в семье, ей были неизвестны. Как не было и далеко идущих планов, чтобы учиться, выходить замуж, вести быт, зарабатывать себе на жизнь. В стенах детского дома она жила на всем готовом. Не умела готовить, стирать, мыть полы, пользоваться деньгами. А чтение сентиментальных любовных романов превратило реальность в сказочную страну, населённую отважными героями и нежными принцами. Сердце трепетало каждый раз, когда взгляд встречался с единственным мужчиной, находящимся рядом. В её воображении образ тренера приукрашивался, приобретая черты идеального мужчины, готового ради неё спасти мир.

Карина стала частенько смотреться в зеркало и, как правило, оставаться недовольной. Ей казалось, что она не красавица и выглядит намного хуже, чем другие девочки. То ей казалось, что она слишком худая, то наоборот, что слишком толстая. Она чаще замечала недостатки, выставляющие ее в плохом свете, и мечтала быть другой. Ей хотелось иметь небесно-голубые глаза, светлые шелковистые волосы до пояса, а еще длинные красные ногти, какие она видела в вырезке из глянцевого журнала.

Карина едва ли могла похвастаться своим гардеробом: казённая одежда была уныло однообразна, состояла преимущественно из невыразительных серых кофточек, давно потерявших вид, покрытых мелкими катышками. Обувь вовсе ограничивалась парой невзрачных туфель на плоской подошве, совершенно лишённых намёка на элегантность.

Зато в манере держать себя уже проскальзывала имитация поведения взрослой девушки. К этому примешивались проявления подросткового кризиса: приступы агрессии сменялись резкими вспышками грусти, настроение колебалось подобно маятнику, а внутренняя неразбериха делала Карину тревожной. Много проблем представляла непредсказуемость, с которой она сама не знала что делать. Еще минуту назад она считала поступок одноклассницы отвратительным, а после повторяла подобное сама, ничуть не смущаясь.

И вот однажды незаметно пришел тот самый день, когда Карина окончательно перестала быть маленькой девочкой. Рост стремительно пошёл вверх. Та самая крошка, что всегда замыкала строй на уроках физкультуры, теперь со своим метр семьдесят восемь встала во главе. Одно осталось прежним - излишняя худоба и угловатость.

Больше всего Карина мечтала о роскошных длинных волосах. Для неё это была большая тема. Всех девчонок из детского дома подстригали коротко «под мальчика». Ведь в общих спальнях частенько заводились ненавистные вши — трудно выводимые кровопийцы, перепрыгивающие от одного ребенка к другому. Для учреждения это было настоящим ЧП. Медсестра, как сумасшедшая носилась по комнатам, проверяя головы маленьких воспитанников.

— Ой-ой, сколько же гнид! Мама дорогая! - причитала она, всплескивая руками. За неделю не вывести, проще наголо обрить!

Эта фраза звучала как грозное предупреждение: каждый ребенок замирал, опасаясь, что женщина в белом халате действительно схватится ножницы. Мальчиков тут же лишали волос начисто, обривая их беспощадной машинкой. Но с девочками так не поступали — голый череп делал даже самую крошечную малышку похожей на жертву какого-то страшного эксперимента. Поэтому девочки довольствовались короткой стрижкой, не выделяясь друг от друга.

Такова была судьба и Карины. Её густые чёрные волосы, блестящие, будто полированный уголь, тоже регулярно отправлялись под ножницы. Однако она представляла себя совсем иной: длинные, струящиеся до самого пояса локоны, послушные и гладкие, завивались большими красивыми волнами, а на голове сияла изящная диадема, украшенная сверкающими драгоценными камнями.

Школьные годы промелькнули, подобно стремительному экспрессу. Дальше девятого класса Карина не стала учиться в школе. Вместе с этим исчезли занятия в спортивной секции, пропали любимые встречи с тренером. Она не сомневалась, что скоро учитель найдёт себе новую звезду, будет искренне радоваться уже её победам. А как же она? Покатит колесо своей жизни в противоположную сторону, оставив позади детские грёзы о наградах, соревнованиях, пьедесталах.

В аттестате — сплошные тройки, лишь по физкультуре стояла твёрдая пятёрка, заработанная честно. Но о дальнейшем не стоило беспокоиться. Перед выпускниками детского дома по традиции открывался единственный жизненный путь — профучилище. Судьба каждого была predetermined заранее: девчонки осваивали швейное дело, парни шли учиться на сварщика или механика. Всё решалось ещё задолго до выпуска, распределение мест было чётко по квоте.

Первое сентября ознаменовалось новым этапом: Карина заняла своё место за партой местного колледжа. Впереди ждали целых три учебных года, однако будущая профессия швеи была ей не по душе. Терпение, аккуратность, а тем более усидчивость, которые требовались от портнихи, были ей чужды. Мысли витали далеко от ткани и ниток. Тогда как одноклассницы увлечённо рассматривали модные журналы, выбирали выкройки, обсуждая элегантные фасоны платьев, Карина вновь погружалась в мир фантазий. Ей все также мерещились сказочные замки, величественные драконы и благородные принцы.

Возвращаясь обратно в суровую действительность, Карина ощущала всю глубину своего отчаяния, ненужности и неприкаянности. Чем дольше тянулись дни, тем сильнее разгоралось внутри неё чувство ненависти к своему окружению.

Именно тогда случилось удивительное перевоплощение: из тихони она превратилась в дерзкую хулиганку, сохранившую прежнюю замкнутость, но ставшую коварной и агрессивной. Карина стала зачинщицей драк среди сверстниц. Достаточно было малейшего повода — нечаянного толчка, грубого слова или случайного «не того» взгляда, чтобы она вспыхнула. Стычки, затеянные ею, стали привычным делом. Несмотря на хрупкость фигуры, она обладала невероятной силой и ловкостью. Ни тени раскаяния, ни капли сожаления она не испытывала, когда очередная жертва оказывалась лежащей на полу с разбитым носом или царапинами на лице.

В очередной раз, стоя на ковре в кабинете директора училища, Карина не извинялась и ни пыталась оправдываться. Ей было наплевать на чужое мнение. Весь педагогический состав измучился с такой воспитанницей, постоянно слушая жалобы остальных студенток. Дерзкая девчонка успела насолить всем. Никто и не пытался скрывать, что дни считали, когда для Карины прозвучит прощальный звонок, и она навсегда забудет дорогу до училища.

— Скажи-ка, почему ты набросилась на Риту? — спокойно спрашивала строгая дама с умудренными сединой волосами.

Но Карина хранила ледяное молчание. Ей объяснять было нечего. Признаться откровенно, что Ритка случайно попала под горячую руку, означало бы выглядеть глупо.

— Немедленно извинись перед ней, — настаивала директриса, — и впредь не совершай таких поступков. Иначе мы будем вынуждены отчислить тебя за поведение.

Однако Карина гордо подняла подбородок:

— Ещё чего! Не стану я извиняться перед этой курицей!

Учительница раздраженно вздохнула. Хотя она частенько пугала эту студентку отчислением, сделать этого не могла. Все детдомовские, должны были обязательно получить документ об образовании. Таковы были условия договора.

— Что ж, тогда знай, что тебя ждёт серьёзное наказание! На учёт мы тебя уже давно поставили. Сотрудник из полиции проведет с тобой беседу.

Вслед за разговором в этом кабинете, следовало традиционное взыскание. Карине ставили двойки за плохое поведение, оставляли на дополнительные занятия, вели к психологу. Но все это не производило никакого воздействия, и на завтра всё возвращалась к тому же самому.

Возможно, именно поэтому Карина никак не смогла обзавестись подругами, с которыми бы легче переносились трудности учёбы. Одноклассники шарахались от неё, сторонились испуганно и осторожно. Даже начинающие сварщики-перворазрядники, обожавшие заигрывать с будущими швеями, предпочитали спешно пройти стороной, лишь бы не нарваться на грубость.

Карина поступала так вовсе не от злости, скорее из-за зависти. Ведь у каждой домашней девочки были мобильные телефоны, ноутбуки, красивая одежда. Они возвращались домой, где их ждала забота, ласка, подарки на праздники. Все это казалось Карине таким же далеким и несбыточным, как вершина вулкана Фудзияма. Обиду, вызванную отсутствием любви, нельзя было заглушить ничем. Каринка решила, что невозможно доказать свою ценность миру, будучи однажды брошенной безо всяких причин. Временное ощущение превосходства в силе становилось единственным способом облегчить душу, выплеснуть хотя бы немного душевной боли.

Глава 3

— Чтoб тебе! — вскрикнула Карина вдогонку машине, окатившей её из лужи с головы до пяток.

Впрочем, она и без того промокла до нитки, шляясь целый день по городу. «Свобода, наконец-то, свобода» — пела её душа.

Синяя книжечка с надписью «Диплом о среднем профессиональном образовании» валялась на дне потрепанного ранца. Неважно, что внутри вкладыша пестрели сплошь тройки.

Теплые небесные струи текли по лицу, заливались за шиворот. Карина обожала дождь, потому что его шум приносил с собой ощущение покоя. Она глубоко вдохнула свежий влажный аромат улицы и улыбнулась. Этот звук — плеск капелек по асфальту и крышам домов, дарил ей чувство радости. Как будто весь мир замирал, исчезали тревоги, осталась лишь одна завораживающая музыка ливня.

Под это настроение, как и прежде, она продолжала мечтать, представляя себя героиней старинной сказки. Как будто среди серых потоков дождя внезапно появлялся прекрасный принц верхом на белом коне. Укрыв её бархатным плащом, украшенным драгоценными камнями, он бережно усаживал её рядом и отвозил к сияющему дворцу, полному чудес и богатства.

Редкие прохожие торопливо скользили мимо, прикрываясь куполами зонтов. Дело близилось к вечеру, когда все уже вернулись с работы. Карина быстро натянула капюшон своей любимой потертой толстовки и остановилась перед дверьми маленького уютного магазина, чьи окна маняще светились теплым янтарём. Но её карман был пуст — ни единой копейки, чтобы позволить себе хотя бы маленькую шоколадку.

Ах, какая замечательная мечта родилась тут же, едва дверь магазина захлопнулась позади последнего покупателя! Завтра она обязательно найдет хорошую работу, и тогда... Тогда шоколад станет ежедневно на завтрак, обед и ужин. А вместе с ним будут хрустящие печеньица, воздушные пирожные под шипучий лимонад. И наплевать, что от сладкого портятся зубы!

Возвращаться обратно в тесноту и суету общаги совершенно не манило. Там её ждали вечно недовольные соседки затевающие, бесконечные споры о постоянной уборке, раздражающие запахи чужой еды. Здесь же, прямо сейчас, мысли были заняты прекрасным будущим. Нужно было только чуть-чуть подождать, и государство подарило бы ей собственную квартиру. Своя комната, своя кухня, свой уголок, куда никто не сможет вторгнуться. Настоящая, взрослая, самостоятельная, полная собственных решений жизнь должна была начаться именно сегодня.

— Карина! Ты ли это?! Вот это сюрприз! — раздался вдруг знакомый голос откуда-то сзади.

Она невольно вздрогнула и резко повернулась. Перед ней возник бывший учитель физкультуры, тот самый, чей образ порой мелькал во снах, вызывая теплые воспоминания.

— Игорь Юрьевич! — вырвалось удивленное восклицание, сопровождаемое искренней улыбкой.

Тренер внимательно оглядел бывшую воспитанницу и изумлённо покачал головой:

— Стою, смотрю издали и глазам не верю. Как ты выросла, изменилась! Красавица просто! Вот решился подойти, поздороваться.

Карина засмущалась: «Вот и принц явился на её зов». Когда-то она была искренне в него влюблена. Тренер оставался таким же притягательным, каким запомнился тогда: подтянутая спортивная фигура, легкая надменная улыбка и все та же привычка щурить глаза.

— Чего мокнешь под дождем, глупая? Простудишься же! — заботливо произнёс Игорь Юрьевич.

Карина отрицательно замотала головой:

— Ой, не переживайте! Я ведь закалённая — дождём меня не напугать!

Физрук добродушно рассмеялся.

— Знаю, знаю. Ты у нас, как сталь! Всё равно, давай-ка тебя подвезу. Тебе куда сейчас?

— На Первомайскую, в родимую общагу, — вздохнув, ответила Карина.

— Тебе повезло, мне как раз по пути. Только в одно место нужно ненадолго заскочить, надеюсь, ты не возражаешь?

— Нет, не поеду, — с сожалением произнесла она, — не могу.

Тренер уловил оттенок разочарования в её словах и нахмурился:

— Не понял? Ты, что обиделась на меня. Что случилось, Карин? Или ты мне не доверяешь и боишься остаться наедине?

Карина виновато улыбнулась:

— Просто боюсь испортить сиденье. Я вымокла насквозь, вещи хоть отжимай.

— В своем репертуаре, Ульянова. Зачем усложняешь? Всё нормально будет, идём к машине. Вода — не грязь, высохнет.

При этих словах Карина почувствовала себя неловко. Но это волнение перекрывалось радостью от встречи с человеком, чьё внимание когда-то для неё многое значило.

Она осторожно села в машину рядом с тренером, ощущая приятную теплоту салона и аромат мужской туалетной воды. За окном продолжали стучать крупные капли дождя, создавая ритмичный аккомпанемент звуку мотора.

Игорь Юрьевич заметил её смущение и одобрительно улыбнулся.

— Вот и умница. Чёрт с ними с этими сидениями. Для того и нужны блага цивилизации, чтобы служить человеку, а не наоборот. Сейчас ты согреешься, и тебе станет гораздо лучше.

Они двинулись с места и выстроились в общий поток машин. Игорь Юрьевич пребывал в превосходном настроении, громко подпевая популярной песне, льющейся из динамиков. Текст песни показался Карине удивительно уместным, отражая атмосферу сегодняшнего романтического вечера: влюбленные мчащиеся навстречу приключениям, всплеск эмоций, вызванный скоростью и близостью сердец.

— Чтобы мы с тобой не забыли, как друг друга любили... а-а-а

Карина не смогла удержаться от улыбки. Ребячество бывшего препода ничуть не удивило её. Именно эта непосредственность, отсутствие лицемерия делали Игоря Юрьевича особенным. Его открытость и жизнелюбие выделяли его среди прочих учителей, привыкших соблюдать дистанцию и холодность. Именно благодаря этому он сумел завоевать симпатию всех вокруг.

— Какой же я рассеянный, — вдруг заявил он, — забыл угостить тебя. Вот возьми, выпей! Честно говоря, не ожидал нашей встречи, иначе непременно захватил бы печенек или конфет. Но, смотри-ка, каким-то чудом выбрал тот самый лимонад...

Игорь Юрьевич протянул ей пластиковую бутылочку с яркой этикеткой.

Карина была довольна. Напиток и вправду оказался любимым. Она сделала пару больших глотков, наслаждаясь освежающим вкусом шипучки, которая приятно защекотала в носу. Глаза сами собой закрылись от удовольствия.

— Если хочешь, допей всё, — снова заговорил мужчина. — Эх, жалко, конечно, сейчас бы еще шоколадку для полного счастья.

Карина согласно кивнула, закрыв глаза и воображая нежный вкус, тающий на языке. Она снова выпила лимонаду, с сожалением наблюдая, как пустеет бутылка.

Они успели отъехать довольно далеко от оживленного центра, в совершенно противоположную сторону от общаги. Жилые дома давно скрылись из виду, уступив место однообразному пейзажу промзоны и бесконечным рядам унылых гаражей. Машину ощутимо покачивало на неровностях.

— Игорь Юрьевич, мы, куда вообще направляемся? — встревоженным голосом спросила Карина, всматриваясь в незнакомые окрестности.

— Не переживай! Один старинный друг просил подъехать, — спокойно ответил он. — Просто передам ему одну вещь из багажника и сразу же вернемся назад. Вот, кажется мы и на нужном месте.

Машина, наконец, замерла среди пустынного пространства, окруженного бетонными коробками гаражей. Казалось, здесь годами царила тишина и запустение.

Карина внимательно осмотрелась, чувствуя легкий озноб тревоги, пробежавший вдоль позвоночника.

— Никогда раньше здесь не была. Что это за место?

Игорь Юрьевич выглядел сосредоточенным, неопределённо пожал плечами, словно сам удивлялся, как оказался тут.

— Немного нужно подождать, друг, кажется, опаздывает, — произнес он, — а ты пока расскажи, как твои дела? Что планируешь делать дальше? Знаю, ты закончила училище.

— Ага, закончила. Думаю, искать работу.

— Да, ты взрослая теперь. Все дороги открыты. Может удачно выйдешь замуж, тогда вовсе не придется думать о завтрашнем дне.

Карина тихонько усмехнулась собственным догадкам: возможно, учитель действительно успел соскучиться по ней и захотел провести время вдвоём, ведь она уже выросла в настоящую женщину. «Может, он всю жизнь ждал именно меня?» — мелькнуло в её голове, рисуя приятные картины. Сердце учащённо забилося, ожидая признаний, тёплых объятий или поцелуя. Внутренне она настроилась на романтические знаки внимания, готовая принимать ухаживания. Однако вместо ласковых слов и нежных прикосновений прозвучали сухие и повелительные нотки:

— А теперь, выходи, Карин! Ты приехала, — голос Игоря Юрьевича казался таким резким и чуждым, что моментально разрушил все иллюзии.

— Я вас не понимаю. Почему я должна выходить в этом глухом месте? — неуверенно пробормотала она, пытаясь разобраться, что происходит.

Неужели эта внезапная остановка — розыгрыш, в котором её оставляют одну, без объяснения причины. Картина возвращения пешком сквозь дождь, казалась ужасной. Но учитель оставался невозмутимым, продолжая жестко и решительно:

— Так надо! Ты должна идти. Понимаешь, ситуация требует. Ты сама скоро всё поймешь.

— Пойму? Что за шутки! Зачем завёз меня в такую даль?

— Тебя здесь уже ждут, — тихо ответил физрук, взглянув на стрелки наручных часов.

— Ничего себе! Кто может ждать меня в таком месте? Или вы нашли моих родственников? — Карина нетерпеливо заерзала на сидении. Ей стало невероятно страшно.

Ответ пришёл сам собой: неподалёку раздалось глухое рычание мотора белого фургона, внезапно остановившегося рядом.

Игорь Юрьевич вздрогнул, стыдливо, словно извиняясь, взглянул на бывшую ученицу:

— Прости, дорогая! Это за тобой, — с чувством произнес он, — Пойми, мне сейчас так нужны деньги. Когда мне предложили такой вариант заработка, я сперва отказался. Но позже, все, же не смог устоять. На школьную зарплату жить невозможно.

— Но, у меня нет для вас денег, — начала мямлить Карина, не понимая о чём идёт речь.

— У тебя нет. Но ты сама дорого стоишь. Ты молода, полна сил...

И тут Карину осенило, что с ней собираются сделать нечто отвратительное: продать на органы, сделать проституткой и увезти в другую страну на заработки. Страшилки о таком использовании женского тела ей были известны, в детдоме выросли рано. О «тычинках» и «пестиках» знали не понаслышке.

— Ах, ты мерзавец! — пошипела сквозь зубы Карина, наградив свою первую любовь звонкой пощечиной.

Игорь Юрьевич лишь ухмыльнулся, легонько потер покрасневшую щеку. Как же ему нравилась эта дерзкая девчонка. При других обстоятельствах, между ними могло бы получиться нечто большее, чем приятельские отношения. Угловатая строптивница превратилась в прелестную женщину. Взгляд скользнул по соблазнительным губкам Карины, отчего возникла неожиданная мысль прикоснуться к ним.

— Успокойся, глупышка, ничего страшного с тобой не случится, — попытался он смягчить ситуацию.

— Иди ты нафиг, торговец людьми! Думаешь, останешься безнаказанным? — вскипела она. Не было смысла церемониться с этим двуличным прохвостом, задумавшем нажиться за её счет, столь мерзким способом.

— Однажды ты сможешь понять меня. Жизнь — штука жестокая и, порой, загоняет в угол. Кажется, выхода оттуда нет. Поверь, если бы не проблемы, я бы никогда не поступил так, — печально промолвил негодай.

— Не смей рассказывать мне о своих проблемах. Мне, которая ничего кроме детского дома и не видела.

— Прости, прости, Карин... — заблеял физрук, — я не хотел. Меня прижали к стенке. Выбора не оставили. От тебя сейчас многое зависит: и моя судьба тоже. Прежде всего, тебе нужно успокоиться и сесть в тот автобус.

— Слабак, трус! Как же я была глупа, раз поверила такому ничтожеству, — воскликнула Карина, отчаянно дёргая дверную ручку.

Единственным желанием было бежать прочь, сломя голову, подальше отсюда, покуда хватило бы сил. Чудом выбравшись наружу, она почувствовала, будто ноги перестали подчиняться, став тяжелыми и непослушными. «Он добавил в лимонад какую-то отраву!» — догадалась она.

Внезапно всё вокруг начало стремительно погружаться в туман: тело утратило способность двигаться, а реальность растворилась в странном, гипнотическом круговороте насыщенно-лиловой сферы, окружённой роем огромных красных мух. Какое-то время Карина еще сопротивлялась, однако вскоре силы покинули её, оставив проваливаться в вязкое сонное состояние. Она повалилась без сознания на землю.

Карина не понимала точно, сколько длился её сон. Прозрение наступило неожиданно, вместе с неприятными симптомами похмелья от мощного снотворного: желудок свело судорогой, голова раскалывалась от пульсирующей боли, мучила жажда. Облизнув пересохшие губы, мысленно она мечтала хотя бы о маленьком глоточке воды.

Немного поразмыслив, она обнаружила себя распростёртой на холодном полу фургона грузовика, несущегося по дороге на приличной скорости. Машинально протерев веки, Карина сначала решила, что ослепла, потому что вокруг была непроглядная мгла. Осторожно вытянув руки вперед, принялась медленно исследовать пространство возле себя. Вскоре пальцы коснулись чего-то подозрительно мягкого и теплого. Медленно проведя ладонью дальше, Карина поняла, что рядом находился человек.

— Эй ты, грабли убери, а то схлопочешь сейчас! — раздалось в ответ на её случайное касание.

— Кто здесь? — настороженно спросила Карина, напрягаясь.

Раздался раздраженный смешок:

— Конь в пальто! Еще раз щупальца свои протянешь, я тебе заряджу.

Но Карина привыкла давать отпор и ответила в том, же духе:

— Судя по голосу не конь, а кобыла!

— Ты точно нарываешься! Лучше притормози, красотка, пока зубы целы!

Больше обиду терпеть Карина не могла, замахнулась и изо всей силы и двинула в темноту. Её сжатый кулак опустился точно в цель.

— Сучка! — заорала невидимая попутчица, — ну держись!

Через секунду Карина получила свою порцию. Незнакомка заехала ей прямо по лицу. Из разбитого носа тут же хлынула кровь. Громко шмыгнув, Карина подтерла ладонью нос и закинула голову, чтобы остановить кровотечение. Только она и не собиралась отступать: подумаешь, не велико повреждение. Напротив, она ещё больше рассвирепела. Для неё подобные стычки были своего рода наркотиком — именно в такие моменты кровь бурлила, адреналин зашкаливал, заставляя тело рваться в бой. Пока что победа была не на её стороне. Не в её пользу — головокружение и слабость от неизвестного лекарства, подмешанного в газировку. Но гнев снова прибавил сил. Карина собрала ярость в кулак и вновь ударила.

Завязалась ожесточённая схватка. Противница, оказалась куда опаснее, чем ожидала Карина: проявляла удивительную силу и скорость, заставляя раз за разом терпеть болезненные удары. Возня перемежалась отборным матом и громкими криками.

Финал их боя оказался неожиданным: фургон резко затормозил, отчего обе противницы потеряли равновесие. Карина полетела вперёд, больно стукнувшись лбом о металлическую стенку кузова. От удара сознание слегка померкло, а слух уловил звонкий лязг открывающейся двери.

Луч света прорезал темноту, осветив фигуру крупного мужчины в камуфляже, грозно наблюдавшего за происходящим. Его массивная фигура сразу напомнила крепкого телохранителя или профессионального бойца.

— Цыц, куклы! — заорал он, высвечивая их фонариком, — заткнулись обе. Чё за хрень здесь происходит? Вы что подрались?

— Тебе какое дело? — спросила девушка, сидящая с Кариной рядом, — мы не дрались, а знакомились. А что нам оставалось делать? Запахнули чёрт знает во что, и везут неизвестно куда...

— Много будешь знать, скоро состаришься. Считай, что ты выиграла путёвку в экстремальное путешествие.

— А если я не хочу? Меня забыли спросить или хотя бы объяснить, что с нами будет?

— Я тоже многое, чего не хочу. Вот, к примеру, возиться с такими курицами как вы. Но, несмотря на это, терплю. Вот и вы: сидите тихонечко и ждите, когда доедем.

— А ты просто выпусти нас и забудь. Мы никому ничего не расскажем.

— Ага! Бегу и падаю! Сидите смирно и никто вас не обидит. Бошки откручу, если ещё хоть один шорох от вас услышу. Втыкаете, куклы?

Карина, оправившаяся от шока, резко рванула к открытой двери, надеясь воспользоваться моментом и вырваться на волю. Но здоровенный качок моментально среагировал: одной рукой, действуя профессионально, он крепко ухватил её за волосы, резко развернул обратно и нанес точный мощный удар в область рёбер. Поджав колени, Карина согнулась пополам, тяжело дыша и хватаясь за ушибленное место. От внезапной боли дыхание буквально выбило из лёгких.

— Уяснила урок? — поинтересовался качок, — или еще хочешь? От меня ещё никто не убегал!

— Не хочу, довольно! — пропищала Карина, с трудом делая вдох, — ты, наверное, мне все ребра переломал...

Качок равнодушно пожал плечами:

— Тебе повезло: я аккуратно, всё у тебя в целости и сохранности. Поболит немного и пройдет. Вот, лучше попей водички. Ну и видок у вас - прямо кошки драные. Приведите себя в порядок, а то лохматые, грязные. Увидит кто — испугается.

С этими словами он небрежно швырнул бутылку минералки и пачку влажных салфеток.

Еще раз, внимательно осмотрев их тяжелым взглядом, охранник резко развернулся и с лязгом захлопнул тяжелую металлическую дверь. Карина, мучаясь от жажды, тут же потянулась за водой.

— На твоём месте, я бы не стала пить. Что ж ты доверчивая-то такая? — предупредила вредная соперница.

— Это ещё почему? — возмутилась Карина, — в одно горло трескать собралась? Не волнуйся, я с тобой поделюсь.

— Дура! Вдруг там яд или наркота. Может, в воду какой-то порошок подсыпали — чуть глотнешь, и сразу отключишься... Или, прости господи, отравишься на тот свет.

— С чего вдруг такая забота? Ты же меня совсем не знаешь, а минуту назад колотила, как боксерскую грушу.

— Просто предупреждаю. Хотя в принципе мне на тебя плевать. Пей... А когда снова вырубись, поймешь, что я была права.

— Если тебе все равно, зачем тогда драться полезла? Сидела бы и голоса не подавала.

— Так я от тебя защищалась. Ты же первая начала. Если бы не стала руками махать, может быть и по-другому знакомство состоялось.

Карина, слегка поморщившись, ответила примирительно:

— Ты права... Только представь мое состояние: просыпаюсь неизвестно где, ничего толком не понимаю. Вокруг темнота. Я почувствовала опасность. А ты не знаешь, куда нас везут?

— Т-с-с-с! Говори тише! Не знаю, но догадываюсь, — почему-то на шёпот перешла спутница, — Явно не на показ мод, и не на курсы вышивания.

— Не тяни, выкладывай. А то представляю себя птичкой в клетке.

— Ха! Птичка она! Сразу видно, что сообразительности тебе недостаёт. Версия такая — запрут нас с тобой в закрытом борделе и будут использовать пока не сдохнем. Знаешь, какие деньги на этом мафия зарабатывает?

— Да, ладно, не гони! Куда нас без опыта?

— Я так понимаю, что у тебя другие варианты есть? Для чего еще мы можем годиться? Не на стройку же, кирпичи таскать.

— А вдруг это те самые преступники, которые людей на органы продают? — со страхом в голосе произнесла Карина.

— Как знать, такое тоже может случиться. Тела молодые, печень, почки — здоровые... разберут по запчастям.

— Я сбегу, — уверенно заявила Карина, — просто так не сдамся. Они ещё не знают, с кем связались.

— Ага, беги, не забудь прощальное письмецо перед смертью написать. Поймают, и чик «пером» по горлышку. Тот мужик, который за рулём этой колываги, так тебе по рёбрам зарядил. А представь, если их целая банда!

— Не из пугливых, не страдай! — хмыкнула Карина, — я быстро бегая. Только бы получилось вырваться. Может, мы на ходу попробуем выпрыгнуть?

— Засунь свою храбрость, сама знаешь, куда и не выпендривайся. Я тоже не пальцем деланная. Только чувствует моё сердце, влипли мы. Как твои рёбра? Сильно болят?

— Ноет в боку. Жаль здесь синяков не разглядеть. Да ещё и ты меня отметелила, как следует, — усмехнулась Карина, потирая ушибленные места.

— Ты меня тоже отделала прилично. Ты боксом случайно не занималась?

— Гимнастикой только. Но драться научилась. Много времени для тренировок было. А ты? Судя по всему — спортсменка.

— Ага! Тоже самоучка. Видишь, наши интересы совпадают. И здесь мы с тобой подружки по несчастью. Не стоило нам ссору затевать. Будет куда лучше, если мы станем держаться вместе. Вдвоём сможем дать отпор. Я спереди, а ты — сзади, или наоборот. Зададим им жару!

— Я привыкла – сама по себе. Так безопаснее. Не нужно ни о ком заботиться, переживать, да, и ответственность за тебя мне не нужна, — возразила Карина.

— Так ты эгоистка, что ли? Не ожидала. Только-только доверять тебе начала, а ты сразу на попятную.

— Не-а, я детдомовская. Бросила меня мамка сразу после рождения. Не нужна я никому. Да, собственно, и мне никто не нужен.

— А я, по-твоему, кто? Или ты думаешь, что я из особняка с Рублёвки, на шёлковых простынях с детства спала?

— Ничего я такого не думала. Может, сама тогда расскажешь?

— В том-то и дело, что мы одного поля ягоды. Мать давно умерла. У меня изо всей родни только сумасшедшая бабка осталась, которая сейчас лечится в психушке. Она уже совсем старая и безумная. Но жить мне с ней пришлось. Проку от неё никакого. Хорошо, хоть по-малолетству взяла меня под опеку сестра матери, потому в детдом я и не попала. Только видела я её всего лишь всего пару раз, когда бумаги оформляли. А так росла сама по себе. По добрым соседям перебивалась. Многие жалели, кормили, одежду поношенную давали. Я не привередничала, брала и благодарила.

— Значит, ещё повезло. У тебя хотя бы дом был. А у меня вообще никаких родственников, — с сожалением произнесла Карина.

— Знаешь, может это и к лучшему. От моей родни я ничего хорошего не получила. Сама посуди. Я, к примеру, знаю, что вся моя семейка психически отсталая. Наследственность, знаешь ли, против природы не попрёшь. Бабка в интернате жила, потом мама. В будущем, думаю, и меня такая же судьба ожидает.

— Бабушка... мама. А отец? Может он у тебя нормальный? Он-то где? — спросила Карина, искренне заинтересовавшись.

— Когда мама в очередной раз в психушку попала, вернулась оттуда беременной. Никому не сказала от кого. Бабушка пыталась её, но так и не добились ничего вразумительного. Так что, может от санитаров, а может от такого же психа - история умалчивает. Мне, конечно, хотелось бы знать. Но вряд ли это теперь возможно.

— Вот я сейчас с тобой разговариваю и не замечаю никаких отклонений. Возможно, что наследственность в случае с тобой не сработала.

— Не знаю. Пусть потом врачи разбираются. Гуляю до первого приступа. Мать у меня тоже обыкновенная была до поры до времени. Только потом у неё, годам к тридцати, что-то в мозгах перемкнуло. Начала на людей кидаться, орать матом. Как-то на рынке набросилась на ни в чём неповинную женщину, отняла сумку, раскидала из неё все продукты. А саму несчастную повалила на землю и принялась пинать ногами. Вот тогда мамку впервые изловили прямо на улице и в лечебницу увезли. После становилось только хуже, может от таблеток, а может ещё от чего-то. Вот и я теперь... почти как она.

— У тебя тоже переклинивает? — не поняла Карина.

— Бывает порой. Помню, было, мне лет так десять, может чуть больше, я одному мальчишке в голову камнем кинула. Просто так, ради шутки, я парня этого и не знала совсем. Только травма получилась серьёзная: кровячки было море. Скорая, полиция — то, сё! Меня на учёт тут же поставили. К психологу на занятия водили. А толку? Потом стекляшкой другому мальчишке руку порезала. С девчонками постоянно дралась. Могла одна с целой толпой справиться.

— Что же ты такая кровожадная-то?

— Желание у меня людям боль причинять, ничего не поделаешь. Чем я старше, тем сильнее жажда, а шутки всё круче. Прямо, не могу, хочу пырнуть кого-то или придушить. Как только оказываюсь в передрыге, словно кнопочка красненькая включается. Руками начинаю махать, пинаться, пока не свалюсь от усталости. А когда вижу, чего натворила, страшно ста-

новится. Психиатр из поликлиники сказал, что в моём мозгу связь отсутствует, которая за жалость отвечает.

— Разве так бывает? Никогда не слышала ничего подобного. Какие такие связи могут быть в голове? — удивилась Карина. Ей почему-то не верилось в эти байки.

— Думаешь, я обманываю? Если бы было так, я была бы рада. Только представь себе, что у человека нет сочувствия к чужим страданиям. Зато до краев изворотливости и жажды доставлять боль. Я столько раз была в полиции, врала, плакала, и мне удавалось уйти от наказания.

— Тогда ты по всем описаниям - маньяк!

— Психиатр почти тоже самое твердит постоянно, как я на его приём попадаю. Говорит «Расстройство личности, свойственное серийным убийцам».

— Звучит, как угроза. Значит, я сейчас сижу рядом с преступницей. Ты и меня тоже зарезать сейчас хочешь? Или, может быть забить до смерти?

— Не бойсь, мне и самой страшно! Сейчас я спокойна, меня ничего не раздражает. И ты в том числе. Лишь бы вдруг «крышу» неожиданно не снесло, а я к такому сюрпризу буду не готова. Лучше давай договоримся о другом. Как ты на счет дружить со мной?

— Я никогда не имела подруги и не знаю получится ли у меня, — созналась Карина.

— Так это же так круто! Тогда я стану первой! И научу, чего стоит настоящая дружба. Кстати, я — Кристина. Можно просто — Тина.

— Очень приятно. А я — Карина.

— Здорово! Мне нравится твоё имя. Предлагаю скрепить нашу дружбу клятвой верности. Слышала о такой?

— Мы же не жениться собираемся! — возмутилась Карина, — конечно не слышала. Я же говорю, что подруг у меня нет, и не было никогда. Девчонки из соседней комнаты ходят друг за другом, шепчутся – вот они все точно стишки какие-то читают и клятвы постоянно друг другу дают. Но мне смешно на это смотреть.

— Ох, как у тебя всё запущено! Это совершенно нормально, когда люди обещают что-то друг другу. Не вредничай, дай мне руку! Я плохо помню слова, но это не важно, главное — смысл.

— Тина, я догадалась, что ты сама ни разу не произносила ничего подобного. Я права?

— Угадала. Просто мне не с кем было. С подругами у меня тоже не густо, как и у тебя. Была всего лишь одна, но бросила меня, даже чокнутой обозвала. Но сейчас я решила, если нам суждено ехать навстречу смерти, самое время обзаводиться напарницей. Так, что повторяй за мной:

«Кровь за кровь, жизнь за жизнь, пока мы дышим. Моя жизнь в твоих руках, твоя — в моих. Разорви нашу связь, и мы погибнем. Клянусь в дружбе навек!».

— Это ты только что придумала? — восхитилась Карина способностью Тины к сочинительству.

— Я мастерица байки травить. Обещаю, что ты не то ещё услышишь. Как я рада, что именно ты сейчас со мной. Что я не одна трясусь в этой колыхаге. Честно — ты мне понравилась.

— Тина, ты мне тоже. И я вовсе не обижаюсь, что мы недавно подрались. Может, это даже к лучшему. Я знаю, что ты сильная и сможешь за себя постоять. Но, ответь, как здесь оказалась?

— По глупости. Развели, как мелкую на сладости. Я сама в этот фургон села, представь!

— Не поняла, — удивилась Карина, — Тебя, что в прямом смысле пряниками заманивали?

— Даже стыдно рассказывать. Я давно уже привыкла к бесконечным переездам из одной съёмной квартиры в другую. И в этот раз я должна была срочно искать новое жильё. Срок сдачи

истёк, а вредная хозяйка дала всего два дня на сборы. Я присмотрела комнату неподалёку, правда со старушкой в придачу. Весь переезд бы занял не более часа. Едва поднявшись на крыльцо подъезда, я заметила объявление «Грузоперевозки», словно специально повешенное для меня. Я обрадовалась и побежала собираться. Хоть барахла и немного, но в руках, же не понесёшь: любимая подушка, матрас, зимняя куртка, сапоги, кое-чего из посуды. Набрала номерок, указанный в объявлении и словно по волшебству этот самый фургон подъехал точно ко времени. С того же самого номера мне об этом сообщили. Я схватила две сумки и пошла встречать, думая, что грузчик поможет вынести остальное. Машина стояла у подъезда, но не за рулём, ни рядом никого не было. Я сама распахнула дверь, а дальше... ничего не помню! Кто-то сзади двинул мне по затылку, я и отрубилась. Эх, плакали мои вещички! Возможно, уже перекочевали в руки местных бомжей или оказались в мусорном баке.

— Ничего себе! Создаётся ощущение, что за тобой специально охотились. Ты так не думаешь? — спросила Карина.

— Вряд ли. Наверняка я случайно под руку подвернулась и на этом месте могла оказаться любая другая дурочка.

— Знаешь, в общежитии за каждое место борьба. А у меня там осталась койка новая, в шкафу полка с одеждой, а в тумбочке косметика. Дешевая, конечно, но все равно жалко. Если я не вернусь, тоже всё растащат или выбросят.

— Да, придется о наших вещах позабыть. Но это ерунда — дело наживное, лишь бы из этой передраги живыми выбраться. А тебя как угораздило в это путешествие отправиться?

— Стою на улице, никого не трогаю. Дождик льет, промокла до нитки. И вдруг, как из под земли нарисовался физрук из моей бывшей школы. Сто лет его не видела, с той поры, как в училище ушла. Обрадовалась — дядечка он симпатичный, добрый и ко мне всегда относился хорошо. Все одноклассники были от него без ума. А я так и вовсе влюбилась. Поговорили немного, и, он вдруг предложил меня до общежития подвезти. Сели, едем. Он мне лимонаду предложил. Я пожадничала и всю бутылку выпила. Он завез меня в гаражи и приказал выходить. Я испугалась, тогда он начал прощения просить и поняла, что в лимонад он что-то подмешал. Попыталась сбежать, вышла из машины и вырубилась. Но перед этим...

— Он тебя что... пытался изнасиловать? — со страхом в голосе спросила Тина.

— Не пытался. У него другой интерес имелся. С его слов я поняла, что он меня продал кому-то. Видишь, ли, деньги ему были очень нужны! Козлина! Я верила ему, считала самым лучшим на свете!

— Этого урода убить мало! — громко воскликнула Тина, — Эх, попадись он мне, мокрого места не осталось бы.

— Тин, я только сейчас поняла, что он следил за мной. Я пока без цели по улицам моталась, несколько раз похожую на его машину поблизости видела. Я, когда вернусь, сама найду и замочу гада.

— Не волнуйся я тебе помогу. Вдвоём мы его так уделаем, мать родная не узнает, — решительно пообещала Тина.

— Возражать не стану. На куски готова его разорвать, главное, чтобы дольше помучился.

— И во сколько он оценил твою жизнь?

— Этого я не успела выяснить. Сказал только, что я дорого стою. Полагаю, что при следующей нашей с ним встрече спрошу. За ним теперь должок! Вытрясу с него все, что получил до копейки и ещё проценты попрошу.

Глава 4

Дорога, до сих пор ровная, внезапно превратилась в настоящий кошмар — ямы следовали одна за другой, словно зловещие ловушки. Дрожащие стены фургона отзывались резким скрипом металла, а пленницы подпрыгивали при каждом новом толчке.

— Эй, водила, можно полегче! Не мешки везешь! — громко прокричала Тина, когда возникло ощущение, что их хотят угробить.

Неожиданно ход замедлился, а под колесами зашуршало неизвестное дорожное покрытие.

— Слышишь? — шепотом спросила Карина, напрягая слух, — как будто мелкие камешки шебаршат.

— Похоже, мы окончательно свернули с трассы. Я по времени не ориентируюсь, тоже долго была в отключке, но, кажется, мы целый день были в дороге.

Внезапно фургон издал короткий сигнал и остановился. Через мгновение тяжёлая дверь распахнулась с оглушительным лязгом, и силуэт уже знакомого громила заполнил собой весь проем.

— Слушай мою команду! — громко приказал громила и ухмыльнулся. Видимо он затеял какую-то игру.

— Команду? Я тебе не солдат. Я ни шага отсюда не сделаю, пока не пойму, куда ты нас завёз! — решительно заявила Тина.

— Отставить разговорчики! — в той же манере продолжил мужчина, — а ну выходи, стройся! После разберёмся. От вас требуется дисциплина и четкое выполнение моих команд.

— Нет уж, спасибо! Кто вообще ты такой, чтобы указывать. Вежливо попроси, — возмутилась Карина.

Она готова была сорваться с места и бежать. Лихорадочно осматривая окрестность, она придумывала способ отвлечь его внимание. Но намерение было напрасным. Громила, подняв кулак с угрожающим жестом, предупредил:

— Поверь, дорогуша, я давно перестал просить. Вижу, что ты замыслила побег, но от меня ещё никто живым не уходил. На твоём месте, я бы заткнулся и сразу уяснил простые правила. Не то последствия будут такими, что недавняя трёпка покажется тебе лаской. Или рёбра уже успели зажить? Кулак у меня о-го-го! Не рискуй зря, проиграешь!

— Я не сбегу, — тихо сказала Карина, оценивающе рассматривая фигуру громила. Нарываться на его удары вовсе не хотелось.

— Что ж, вот и славно. Вылезайте сами наружу! Чего я вас словно барышень невинных на свидание уламываю? Сейчас схвачу за загривки и вышвырну, мало не покажется...

Тина отодвинула Карину в сторону и выбралась первой из фургона.

— Чего разорался? Мы девочки культурные, симпатичные, другого обращения ожидали. Нет бы, руку подал джентльмен, — заворчала она.

— Тебе что ли руку, мадам? Где веер свой потеряла и норковое манто? Тоже мне — принцесса. Драная кошка с помойки — вот ты кто! Не стану я перед тобой расшаркиваться.

Выражение лица Тины резко сменилось. Откуда ни возьмись, появилась ярость во взгляде:

— Ты не знаешь, с кем связался. За оскорбление ответишь, — процедила она сквозь зубы.

— Именно этого я и добивался, — вполне миролюбиво ответил громила, — Мне нравится твоя злость, это заводит. Потом, когда наступит подходящее время, обязательно поквитаемся. Если не передумаешь.

— Может, всё же объяснишь, что происходит? Где мы? — спросила Карина, вертя головой по сторонам.

— Милости прошу — станция конечная, дальше «поезд» не идет, — пошутил громила, — посмотрите, в каком замечательном месте вы находитесь. А воздух! Красота! Наслаждайтесь. А мне нужно отойти на минутку.

Территория вокруг напоминала закрытый объект, но только без опознавательных знаков. Никаких флагов, табличек или вывесок. Среди асфальтовых дорожек, обсаженных ровными рядами стриженного барбариса с его колючими шипами, расположились несколько вытянутых одноэтажных зданий, построенных, скорее всего, ещё в эпоху коммунизма.

— Двух девчонок доставил в целости и сохранности, — тем временем докладывал громила кому-то по мобильному телефону.

— Тин, а может, нас сюда исправлять привезли. У тебя с законом как? Меня много раз предупреждали, что накажут.

— Ну... в принципе есть за что. Но ведь это пустяки. Ни разу не слышала, что за такое в тюрьму отправляют.

— Так это не тюрьма, а лагерь или реабилитационный центр. Я еще в школе попадала в один такой. Вроде ничего — кормят, спать укладывают. лекций правда много читают и в мероприятиях заставляют участвовать: то пой, то рисуй, то пляши.

Карина нервно теребила край футболки, пытаясь вспомнить, где в последние дни могла жёстко накосячить. У неё имелись неоднократные приводы в отдел полиции, где не гладили по головке. Строгие дяди в форме запугивали, возводили её проступки в квадрат, называли статьи и пункты, за которые обещали посадить за решётку. Но всегда заканчивалось одинаково выпустили пар, поорали, как следует, а после — провели профилактическую беседу и вышвырнули за дверь.

Тогда преподаватели жалели, брали на поруки, она же детдомовская — чего с неё взять. На учет в комиссии по делам несовершеннолетних поставили лет с десяти и вовсе по пустячному поводу. Подумаешь, стащила у воспитательницы сумочку! Внутри той самой украденной сумочки оказались документы, которые Карина сожгла на пустыре, присвоила себе лишь косметичку и кошелек с парой мятых купюр. Добыче радовалась правда недолго, свои же спалили. Но за последнее время, на память не приходило ничего такого, за что бы могли отправить в закрытое учреждение.

— Интересно, всё же где это мы? — вернула ее из размышлений Тина, которая с опаской озиралась вокруг.

— И мне хотелось бы знать. По виду, вроде, тюрьма. На санаторий или загородный лагерь не похоже.

— Смотри, решетки на окнах. Значит, либо психушка, либо какая-то другая пыточная. Двери запрут, а из окна не выпрыгнешь.

Карина беспокойно поводила взглядом, пытаясь разглядеть как можно больше и отыскать тропинку для побега. Но массивные железные ворота пропускного пункта были намертво закрыты. Вокруг простиралась безлюдная территория, огороженная высоким двухметровым забором. Даже самая ловкая кошка не смогла бы преодолеть гладкую металлическую поверхность такого ограждения. Получалось, что все возможные пути отступления оказались надежно перекрыты.

— Здесь ни единой живой души, — прошептала Тина, тоже нервно озираясь, странно уж больно здесь тихо... Ты не находишь? Не молчи!

Только они успели обменяться тревожными взглядами, как рядом возник тот самый огромный бугай, освободившийся наконец-то от телефонного разговора.

— Чего рты раскрыли, за мной, девчонки, — произнес он громко, — ничего страшного с вами не случится... пока будете паиньками. А вот если попыдаете сбежать...

И тут он неожиданно извлек из кармана внушительный пистолет и поднял его вверх.

— Буду стрелять без предупреждения! — пригрозил он.

— Не надо в нас стрелять. Мы даже и не думали сбегать. Веди нас, товарищ командир, — ответила Тина, — мы готовы ко всему.

Когда бугай повернулся к ним спиной, Тина взяла Карину за руку и потянула за собой, предупреждая приложив палец к губам.

— Тише, — шепнула она, — Давай сделаем вид, будто мы примерные девочки. А потом посмотрим, что получится, когда этот мужик хотя бы на секунду отвлечётся. Поверь, ждать недолго, обязательно найдём подходящий момент, и поминай, как звали.

Карина в ответ лишь едва заметно кивнула. Она не была напугана, скорее её двигало чувство любопытства. По логике, если бы их действительно собирались убить, то давно уже это сделали. Следовательно, они нужны были целыми и невредимыми. Всё происходящее казалось наигранным фарсом. Ещё ребёнком она играла в похожую игру в лагере знаменитую «Зарницу»: там тоже имелись ложные враги, поддельные офицеры, бутафорское оружие, но по итогу побеждала дружба и в подарок все получали сладкий приз. Вот и сейчас она ощущала себя вновь той самой девочкой-подростком, ожидающей конца игры. Она всё ещё надеялась, что уже завтра, она вернется обратно в общагу. Только бы выяснить, кто затеял столь странное представление, а главное —зачем?

Шагая бок о бок с Тиной, Карина наконец-то получила шанс внимательно рассмотреть свою новую подружку. Плотная фигура, словно у атлета, короткая, почти под ноль стрижка, пристально смотрящие глубоко сидящие глаза и тяжелые брови — всё говорило о силе. Вспоминая недавно произошедшую стычку, Карина невольно вздрогнула, представляя, насколько тяжело ей было драться против такого противника. Финал явно оказался бы не в её пользу.

— Ничего себе! А ты, такая... такая, — удивлённо произнесла Карина.

— Какая? Говори прямо, — спокойно отозвалась Тина. Настроена она была вполне дружелюбно и даже улыбалась.

— Крепкая. В форме, что надо. Здоровая.

— Хочешь сказать — мощная? - подсказала Тина.

Карина усмехнулась:

— Вот-вот! Именно это слово я и пыталась подобрать, но никак не получалось.

— Да ты не стесняйся, я привыкшая. Каждое утро смотрюсь в зеркало и давно смирилась с тем, какой меня создал Господь. Внешность у меня и, правда, специфическая, не мадам. Зато таких, как ты фотографируют для журналов мод. Ты фотомodelью запросто могла бы стать, стоило захотеть. Повезло тебе.

— Не надо, Тин, не завидуй. Это только на словах всё так легко и просто. На самом деле: никакого толку от красоты, если в животе урчит от голода, а единственные ботинки «каши просят». Всю зиму в куртке на «рыбьем меху» пробегать — да легко, нет проблем, ничего, что зубы от холода стучат.

— С такими данными, как у тебя, умные девочки давно научились получать легкие деньги и ни в чём себе не отказывать. Нашла бы себе богатенького папика и жила бы при полном шоколаде. Никогда не думала об этом?

— Знаешь, я не такая, даже и искать не собиралась. Я сама по себе пробьюсь, никто мне не нужен, — ответила Карина и заалела щеками. Подобные темы всегда вызывали у нее смущение.

— Можешь не стараться, я сразу это поняла. Чутье меня никогда не подводило. Только странно, как при детдомовском воспитании из тебя получилась барышня с нежной натурой. Таких в прошлые века гувернантки из Франции обучали, чтобы всё по этикету: хорошие манеры, умение правильно думать и говорить, красиво одеваться...

— Брось, Тина! Никакая я не неженка, могу за себя постоять. Внешность обманчива, знаешь ли. И ты могла убедиться, когда мы с тобой в фургоне сцепились.

— Верю, но это ничуть не лишает тебя женственности. Это от природы заложено. А на меня хоть самое красивое платье надень и туфли на шпильке, я останусь пацанкой. И ничего не поделаешь, если я квадратная во все стороны и плечи у меня шире, чем у любого мужика.

Карина неожиданно улыбнулась, едва заметной ухмылкой, не оставшейся незамеченной для Тины.

— Что смешного ты сейчас слышала? — спросила она.

— Да вот подумала, что из вас двоих, — она небрежно махнула рукой вслед широкой спине мужчины, шагающего впереди, — вышла бы отличная парочка.

— Чего!? Вот это ты придумала! Ну, спасибо большое! Не ожидала от тебя такого! — буркнула обиженно Тина.

— Не дуйся! Присмотрись внимательней, ведь вы же похожи: склад фигуры подходящий, роста примерно одинакового. Даже взгляд у вас тот же.

Их конвойный остановился и оглянулся, стараясь разобрать непонятный девичий треп, ибо ещё утром они грызлись, словно кошки. «А еще говорят, что женской дружбы не бывает. Нате, пожалуйста, эти куклы уже спелись!».

— Отставить разговорчики! Или мне придется снова напомнить вам правила? — командовал он.

— Слушаемся и повинуемся, гражданин начальник! — язвительно откликнулась Карина.

— Никакой я тебе не гражданин начальник. Нужно обращаться «Товарищ командир» и добавит уважения в голос, девочка! Что-то я с вами добренький совсем, пора начинать вас учить уму разуму!

— Было бы гораздо проще называть по имени. Может, тогда мы бы смогли лучше понять друг друга? — спросила Тина.

Громила пригладил ладонью коротко стриженные волосы.

— Если вам так удобно, зовите Михаилом... А там посмотрим, когда подружмся — станете звать Мишей, — ответил он и последовал дальше по асфальтовой дорожке, ведущей к зданию.

Но Тина была неподражаема. Её взгляд скользнул по фигуре Михаила, задержавшись чуть дольше положенного на плечах и руках, словно оценивая их крепость и силу.

— Так ты и вправду, как медведь! — не сдержалась она, — когда родители выбирали имя, не прогадали. Тебе идёт.

Михаилу льстило внимание этой дерзкой девчонки, поэтому он тоже с интересом поглядывал в её сторону. Но, как человеку, четко исполняющему свои обязанности, была поставлена задача сохранять хладнокровие и контролировать ситуацию. Его лицо вновь стало непроницаемым.

Тина тут же не замедлила воспользоваться шансом и не прояснить обстановку.

— Миша, друг мой, тогда ответь где мы? — продолжила она, пытаясь вывести разговор на новый уровень доверия.

Михаил внутренне усмехнулся. Он по жизни на дух не выносил выскочек, которые все время норовили совать нос, куда не следует. Да и с женщинами ему как-то не везло. И на этот раз он решил проучить нахальную девицу.

— Чего привязалась?! С какого перепуга ты в друзья ко мне попала? Закрой рот, не то зубов недосчитаешься! Для тебя я — власть, а ты — подчинённая. Уяснила?

— Все, с меня хватит! — заорала Тина, — чего тебе надо? Достал ты со своими секретами. У нас страна свободная, знаешь ли. А за похищение людей и за решетку попасть можно.

Её голос дрожал от ярости, она сжала руки в кулаки, готовая сорваться с места в любую секунду. Обычно так она и поступала, когда заканчивались слова и пофиг, что перед ней соперник в разы превосходящий ее, как по силе, так и по росту.

— Не кипятись, куколка! Хотя тебе злость очень к лицу! — вполне миролюбиво произнес Михаил, чуть заметно улыбнувшись. Что-то в отчаянной храбрости этой девчонки отозвалось глубоко внутри, пробуждая давно забытые чувства. «Да мы же с ней так похожи...» — неожиданно промелькнуло в его голове.

Спесь покинула Тину мгновенно, словно ветром сдуло. Внезапно ей почудилось, что она почти влюбилась во внешность этого громилы, а бабочки в её животе запорхали, вводя в краску.

— Да я вовсе не киплю, просто хочу разобраться. Привезли непонятно куда, против воли держите тут, а цели не раскрываете. Совсем уж несправедливо получается. Имею право знать...

Михаил внимательно посмотрел ей в глаза:

— Ты и твоя подруга — приятные девушки, воспитанней остальных. Другие бы давно устроили скандал, кричали, царапались или плевали в лицо. А вы ведёте себя культурно.

Карина удивилась:

— Остальные? Значит, мы не единственные здесь?

— Так много вопросов. Ответить, к сожалению не могу. Сделаем так: сегодня отдохнёте, наберётесь сил, а завтра всё станет ясно. Дела принято начинать с утра.

Дорожка внезапно закончилась перед массивными дверьми невысокого дома, похожего на старую армейскую казарму.

— Ну, вот мы и на месте, прибыли, наконец, — произнес Михаил, кивнув на вход, — здесь и будем сегодня дислоцироваться — спать по-вашему.

— Что-то мне здесь не нравится, — сделала вывод Карина.

— Почему вдруг? — недоуменно спросил Михаил, — крыша крепкая, стены тоже. Не апартаменты, конечно, но вполне сносная обстановка. Для таких, как вы, сойдет.

— Просто чувствую. Если мы туда войдем, то попадём в переделку или с нами случится что-то ужасное.

— Не попробуешь, не узнаешь! Интуиция — вещь призрачная. К примеру, я не верю ни в чёрта, ни в провидение, а привык полагаться на то, что вижу и слышу, а еще лучше могу потрогать руками. Фантазии хороши для дамочек, вроде вас, чтобы мужикам запудривать мозги. Не боитесь, здесь вас встретят с распростёртыми объятиями, никто не обидит, пока я не прикажу.

— Даже если ты прав, обидно, что меня не спросили. Неужели нельзя было с самого начала рассказать обо всём. Может, я сама захотела бы добровольно оказаться здесь.

— Нужно было наверняка. Где гарантии? Ты бы взяла время на раздумье, а после — не факт, что согласилась бы с условиями. Привезти вас сюда таким способом — единственный выход.

Михаил опять провел рукой по бритой голове. Этот жест, как привычка.

— Но это еще не всё, — продолжил он, — есть ещё один пункт нашего с вами странного путешествия.

— Секретность, — уверенно предположила Карина.

— Правильно мыслишь. Никто не должен знать об этом месте. Вы дорогу сюда не видели, потому никому рассказать, где были, не сможете. Понятно?

— Понятно. Но и отыскать нас здесь тоже будет невозможно. Если мы навсегда исчезнем.

— Это тоже верно. Вот такая вот наша предусмотрительность. А вы, куклы, в полном нашем распоряжении, хотите вы этого или нет.

Карина поморщилась. В отличие от Тины, Михаил вызывал у неё отвращение, тем более, после знакомства с его кулаками.

— Милости прошу, дамочки, — объявил Михаил и распахнул тяжелую деревянную дверь казармы.

Перед ними открылся длинный мрачный коридор. Запахи были отвратительны: затх-лая сырость, плесень, спертый воздух старых помещений, смешанный с какой-то характерной общаговской вонью.

— Как будто вернулась домой, — саркастично заметила Карина.

Она была прекрасно знакома с такими «ароматами», пропитавшими стены казённых учреждений, где она жила с самого рождения, и погружающими в безнадёгу.

— Рад что тебе нравится, — ухмыльнулся Михаил, но потом поправился, — Хотя при-знаться честно, я думал, что ты бездомная. Мне так сказали.

— Детдомовская я, — напонила Карина, — и у меня всегда был дом.

— И сотня жильцов в нем, — цинично дополнил Михаил скороговоркой.

Карина ещё раз убедилась: Михаил — настоящий мерзавец с примитивным чувством юмора, которое только раздражало. Она предпочла оставить эту мысль при себе и молча, дви-нувшись вслед за ним по длинному коридору, заполненному закрытыми дверями, за каждой из которых царил гробовое молчание.

— Тише!- прошептал Михаил, приложив палец к губам, словно боялся потревожить кого-то. — Здесь все уже давно спят.

Но деревянные полы на это имели собственное мнение: каждый шаг сопровождался зло-вещим скрипом, будто пытаясь предостеречь от опасности.

— А вот и ваши апартаменты-люкс! — торжественно провозгласил Михаил, распахивая дверь перед ними.

Однако вид помещения не внушал доверия. Оно было тесным, как клетка.

— Ни за что туда не войду! — заартачилась Тина, отступая назад, — это же камера для осуждённых на пожизненное.

Михаил же даже не попытался переубедить её, просто грубо подтолкнул обеих внутрь комнаты.

— Спокойной ночи, куколки! — проворковал он, пошав девушкам воздушный поцелуй, — Не скучайте шибко по мне... завтра я снова к вам загляну. А ты особенно не грусти, — многозначительно добавил он, глядя прямо на Тину.

Дважды провернувшийся ключ замер в замочной скважине, словно затвор секретного сейфа, а после наступила абсолютная тишина: ни шорохов, ни стуков. Девчонки остались одни в крошечной тьме. Лишь маленький, едва заметный луч света Луны пробивался в крохотное оконце под самым потолком.

— Тин, мне всё же немного страшновато, — тихо шепнула Карина.

— Никто даже пальцем тебя не тронет, пока я рядом, — твердо отозвалась Тина.

Они устроились на жестких деревянных полках, служивших видимо здесь кроватями. Сон никак не шёл, всё больше отдавая тревожное ожидание утра.

Перевернувшись на бок, Карина ощупала лицо, болезненно реагируя на следы недавней стычки с подругой. После драки с Тиной на теле остались многочисленные синяки и царапины, которые давали о себе знать. Карина потрогала рассеченную губу, начинающую опухать.

— Тин, ты не спишь? - спросила она.

— Не-а. Все болит ужасно, будто битой огрели.

— А я будто под каток попала. Ну и силища у тебя. Теперь долго заживать будет.

— Прости, переборщила чуток. Но и ты меня тоже отходила, как следует: в подреберье ноет, а в носу кровь запеклась.

Карина тяжело вздохнула:

— Ерунда, заживет. Не в первый раз. Да, и не в последний, пожалуй. Главное, что мы во всем разобрались и пока что живы.

— Живы и вместе. Поэтому мы справимся. Знаешь, что меня сейчас беспокоит больше всего? Есть хочу! — созналась Тина, — жлобы, могли бы супчика тарелку налить! Живот от голода свело.

Тина прикрыла глаза, представляя аромат горячей еды, уплывающей в пустоту желудка.

Ночь была длинной, тягучей. Тишину нарушал лишь шепот подруг, тихо обсуждающих события минувшего дня, гадающих о будущем, которое ждало их завтра. Карина лежала неподвижно, злясь и на свою глупость и на невидимых пока что тюремщиков, заточивших её в эту каморку. Ни разу в своей жизни она не позволяла другим диктовать как ей жить. Несмотря ни на что, она знала одно — она должна выбраться отсюда как можно скорее.

— Подожди, мы найдём способ, — уверенно произнесла она. — Давай представим, что это всего лишь игра, в которой мы можем выиграть. Нужно только хорошенько думать, прежде чем говорить. Что бы ни предлагали эти похитители, нужно выждать и постараться отказать.

— Да ты шутишь. Какие тут могут быть отказы. Возьмут заширку и как слепых котят поволокут на утопление.

— Я ни за что не сдамся. И тебе не позволю!

Рассвет начал пробиваться сквозь маленькое оконце, затянутое ржавой металлической решёткой, наполняя комнату тусклым светом. Тишина была нарушена шумом открываемых дверей и приглушёнными голосами снаружи коридора. Карина напряглась, прислушиваясь из всех сил, пытаясь уловить малейшие звуки.

Рядом заворчала Тина, потирая ноющие мышцы рук.

— Всю ночь промучилась, почти и не спала, словно меня палкой по бокам отколошматили, — пожаловалась она, растягивая уставшую спину, — Это не спальное место. Это создавала инквизиция, чтобы людей пытать.

Внимание обеих привлекло резкое изменение звуков: шаги приближались быстрее, хлопнула ближайшая дверь. Карина замерла, плотно прижавшись ухом к двери.

— Кажется, кто-то идёт сюда, — предупредила она и отшмыгнула прочь.

И действительно, замок резко щелкнул, дверь широко распахнулась, пропуская милую женщину средних лет в безупречно белом халате. Светлые серые глаза незнакомки внимательно изучали пленниц, их лица, одежду, окружающее пространство. Лицо женщины выражало недовольство. Через мгновение губы сжались в тонкую линию, отчего лоб нахмурился ещё больше.

— Вам не стыдно, грязнули? — спросила она ледяным голосом, — Немедленно мыться. И приведите волосы и ногти в порядок!

— Ну уж нет! Сначала накормите нас, — дерзко возразила Тина, вспоминая горяченький супчик, о котором мечтала всю ночь.

Но медичка возмущённо фыркнула:

— Как раз перед едой и важна чистота. Сначала моемся, а уж потом трапезничаем.

Тина едва сдерживалась от злости. Она была очень голодна.

— Лев немытыми лапами быка съедает, — парировала она, слегка улыбнувшись собственной остроте.

Медичка рассердилась ещё больше и уголки её губ опустились ещё ниже, а голос сделался противно-тонким:

— Здесь медик я, а не ты! И мне лучше знать, что делать. Инфекции вашей только не хватало. Сначала вымоетесь, пройдёте обследование, а уж потом разговоры о еде вести будем.

— Какое ещё обследование? — прошипела Тина, — идите-ка вы добрый товарищ доктор лесом. Не дамся я! Карин, чего молчишь, скажи ей!

Карина стояла рядом, наблюдая за спектаклем, однако мысленно полностью соглашаясь с подругой. Она тоже не горела желанием стать подопытным кроликом. А в слове «обследование» слышалась скрытая угроза. Поэтому она все же решила встрять:

— Никакой заразы у нас нет, можете поверить на слово, — уверенно заявила она, — медосмотры проходим регулярно: педикулёз, чесотка, глисты — всё в порядке.

— Ого, и откуда у тебя такая уверенность?

— Да справка свеженькая лежит у меня в общаге, могу слетать, привезти. Каждый год мы проходим обязательную диспансеризацию и сдаём анализы.

Но тут в их перепалку вмешался Михаил, появившийся внезапно и решивший поддержать владелицу белого халата.

— Никаких уговоров, Клара, — заявил он, — Не церемонься, эти девчонки понимают только силу. Вот я сейчас дам им по подзатыльнику, побегут куда надо, как миленькие! Только скажи...

Но медичка на эту фразу отреагировала странно:

— В своём репертуаре, Миш. Разве можно так? Я хотела поговорить вежливо, установить контакт с девочками. Посмотри на них, ведь дети совсем.

— Эти дети убьют, не раздумывая. Ты же сама это не хуже меня знаешь.

— Даже если это так, у тебя свои методы работы, у меня — свои. Воспитанием без меня занимайся, а я за здоровьем следить должна. Ну, ты тоже хорош! И настроение девочек понять можно, они вчера голодные приехали, а ты об их ужине не позаботился.

— Голод — это полезно! Бодрит и стимулирует организм к скорости, быстроте реакций. Не знали об этом?

— Ага, куда лучше! — продолжала возмущаться докторша, — лучше извести до истощения, да еще и язву заработать. Или гастрит. Не думаю, что в таком состоянии девочки о каких-то там возможностях думали. Им хватило бы чаю с бутербродом. Пожадничал? Я же слышала, как ты вчера ночью по кухне шарился, бренчал посудой и в холодильнике что-то искал.

— Ну, не сгущайте краски, Кларочка! Будто я монстр какой-то. Виноват, исправлюсь. А эти две на меня точно не обиделись. Я с ними вчера очень добреньким был.

Доктор наконец улыбнулась и довольная результатом воспитания Михаила, произнесла:

— Стало быть, надежда ещё есть. Не всё потеряно.

— Не понял, — обиделся Михаил, — по вашему до этого я был безнадёжен?

— Ты сам ответил себе, дорогой мой, — ответила медичка. — Ну хватит пустой болтовни. Девочки, пойдёте за мной. Я быстренько вас осмотрую, а потом вы отправитесь завтракать.

Обследование было скорым и не таким страшным, как подружки представляли. Конечно, неприятно, когда тычут иглой в вену, но не смертельно же. К тому же у медички Клары оказалась очень лёгкая рука.

Глава 5

Большой зал заседаний, словно замер во времени, погружённый в атмосферу минувших лет. Глаза вошедших туда расширились от изумления от давно ушедших в небытие символов эпохи построения коммунизма.

Стены украшали стенды в кумачовом цвете, чудом сохранившиеся в идеальном состоянии. Надписи на них гласили о праведности морали, выражали истинные ценности комсомола и пионерии.

На парадной стене красовались портреты вождей мирового пролетариата, окружённые выцветшими плакатами и вымпелами, свидетельствующими о победах в социалистических соревнованиях. А алое полотнище было развёрнуто прямо над головами собравшихся, бросаая в глаза своей торжественностью и величием.

Карина шепотом выразила своё мнение:

— Здесь словно в музее. Можно на экскурсии людей приводить.

Но Тина лишь фыркнула:

— Нафталин. Кому такое может быть интересно? Собрать все в охапку и отвезти на свалку, где всему этому самое место.

Развить тему они не успели. В зал начали прибывать незнакомые люди в сопровождении всё того же Михаила, которому от обилия лишней энергии, никак не стоялось на месте. Вот и сейчас, он мерил шагами комнату, изрекая на ходу:

— Слушай сюда, группа номер шесть! Сейчас буду проводить разъяснительный вводный инструктаж.

Его речь прервалась резким выкриком откуда-то из задних рядов. Бритоголовый парень решительно выступил вперёд.

— Пургу гонишь, господин начальник. Мне твои указы по барабану.

Михаил мгновенно отреагировал мощным ударом, сбив парня с ног одним движением.

— Молчать! Тупым слова не давали. Твои права тут заканчиваются там, где начинается дисциплина! Обращайся по уставу! — рявкнул он.

Поднявшись, нарушитель порядка вытер окровавленную губу и сплюнул на пол.

— Ладно, шеф, пойдёт и по уставу, — процедил он сквозь зубы и внезапно нанёс удар начальнику в челюсть.

Меткий хук чуть не отправил Михаила в нокаут, однако он сумел устоять на ногах.

— Молодец, удивил, так удивил! Правильная реакция, не ожидал, — признал он. — Но впредь запомни: руки протянешь ко мне, сразу челюсть сломаю. Уяснил?

— Уяснил, ответил бритоголовый парень, отходя в сторону.

Михаил, как ни в чем не бывало, продолжил объяснять:

— Группа номер шесть, становись в шеренгу, буду смотреть: «Ху из ху?». Понабрали дебилов, а мне дрессировать!

Он, как опытный командир, несколько раз произвел обход построения. По его недовольному лицу было видно, что дело — дрянь!

— Куда мир катится, а? — разговаривал он сам с собой, — ни одного приличного бойца. Вот в другое время, все были словно на подбор: плечистые, с мускулами, а главное хотя бы с некоторыми признаками ума на лицах. И что прикажете мне со всем этим сбродом делать?

Тина дернула Карину за рукав рубашки и едва слышно спросила:

— Почему мы - группа номер шесть? А остальные пять где?

— Разговорчики! — пробасил Михаил. Он отлично сумел расслышать этот вопрос, приблизился к Тине и тихонечко прошептал на ухо:

— Тебе, правда, это интересно? Я прямо скажу, как есть: остальные пять самоликвидировались. Теперь очередь за группой номер шесть — то есть вами. Будут ещё вопросы, куколка?

— Будут. И не один. Кто ты, мать твою! Чего выпендриваешься? Или тоже ударишь меня, чтобы я валялась тут на полу? У тебя на всё один ответ — дать в морду! — разозлилась Тина и уже не могла больше сдерживаться.

— Я-то из этих... из положительных, если что. И в жизни этой много чего успел повидать и сделать полезного. А вот ты... давай-ка я напому тебе, где твоя мамаша и откуда ты сама.

— Послушаю с удовольствием. Вдруг я упустила что то из виду, и ты лучше знаешь. Заодно подскажешь, не знаком ли ты случайно и с моим папашей?

— Согласен, ты — девчонка крутая. С «башней» у тебя только проблема. И я бы мог с тобой долго беседовать на интересные темы. Но мы собрались здесь, не для того, чтобы трясти чьё-то грязное бельё. По правде мне глубоко наплевать и на тебя, и на твою ненормальную родню. Моя задача — сформировать из вас, дебилов, более менее сносную команду чтобы выполнить задачу.

— Команды собирают для игры в футбол или чтобы поплавать хором. А мы здесь для чего? Чувство, что нас взяли в армию, — снова подал голос побитый парень.

— А ты — храбрец, — снова похвалил его Михаил, — что ж и на этот вопрос я отвечу. Вам суждено стать спецотрядом быстрого реагирования. Для каждого будет определена своя роль. Подпишете договор, всего и делов. У нашей организации всё серьёзно и документально зафиксировано.

— А если я не буду ничего подписывать? — не унимался обиженный парень, — что тогда?

— Да куда вы денетесь? Все, кто был здесь до вас, сперва отказывались, бунты устраивали. А потом: обеими руками «За». Главное — это нужный подход к людям найти. Обещаю вам радужные перспективы карьерного роста и хорошей зарплаты, в противном случае пеняйте на себя.

— Говори проще — мочить будете, пока не сдадимся и ваши грёбанные бумаги не подпишем — раздалось откуда-то сзади.

— Если придется, будем, и не только мочить, но и вялить, сушить и развешивать. Контракт будет бессрочный, или, если захотите, сами определите до какого момента захотите оставаться в этой стае. Оглянитесь вокруг, рядом только приятные, добрые лица. Я как только вошёл, сразу подумал, что вы — одного поля ягодки.

— Хорошо чешешь, то-ва-рищ, красиво! Только до сих пор непонятно наша выгода в чём? — язвительно спросила Карина.

— Эх девчата! Я сразу понял, что для тебя, Каринка, самое главное, чтобы в кармане шуршало. Понятно, что на бусики и туфельки хочется побольше иметь. Обещаю, что должно хватить на все твои прихоти и в запас отложить получится. купишь маленький домик в тёплых краях, будешь на песочке попку греть.

— Хорош, басни травить. Одни слова, а где гарантии? Судя по этому затрапезному местечку, где в стенах дыры, а полы прогнили, вместо нормального сортира хлев, с деньгами у вас туго! На завтрак кашу подали без сахара и без масла, будто для свиней варили, — сделала вывод Тина.

— Достали вы с вашими сомнениями, — взвился Михаил, исчерпавший свой дар убеждения, — даю вам пять минут на размышление. А дальше, будет то, чего вы все ожидаете. Я вам покажу, кто здесь власть и сила!

Новобранцы группы за номером шесть дружно загудели. Все сводились к единому мнению, что не стоило подписывать никаких сомнительных бумаг. Симпатичная блондиночка без умолку затараторила, добавляя ещё больше красок:

— Чудики, время сейчас такое, подпишешь, а, вдруг это согласие на донорство внутренних органов. Не успеешь глазом моргнуть, окажешься на операционном столе. С одной почкой, без глаза, с половиной печени или вообще разобранный на запасные части для богатенького дядечки, умирающего от смертельной болезни.

— Согласен, малышка, надо свалить скорее из этого места к чёртовой бабушке, — снова заговорил бритоголовый парень, — если что, готов составить тебе компанию. Кто ещё с нами?

— Да хоть все бегите отсюда, — зло бросил Михаил, — Не льстите себе, что вы особенные. Поверьте, найдутся желающие по десять человек на место.

— Найдутся? — хмыкнула Карина, — а для чего? Хватит ходить вокруг да около.

— Для красивой, сытой жизни, глупенькая. Там за забором, вас ждет в лучшем случае нищета, в худшем - тюрьма или смерть от передоза. Такие, как вы — отбросы общества, в итоге заканчивают все одинаково. Совсем скоро будете шлаться по притонам, торговать собой, чтобы только не сдохнуть с голода.

— Миша, дорогой, ты запугал их совсем, — внезапно раздался мурлыкающий женский голос позади.

Перед ними предстала женщина удивительной красоты, словно вышедшая из гламурного фильма. Возраст её невозможно было угадать даже опытному глазу профессионального следователя: ухоженное лицо, безупречный макияж, подчёркивающий глубину взгляда, изысканная причёска, каждая прядь которой была уложена с особым мастерством. Дама одарила всех тёплой улыбкой, сразившей всех наповал.

— Давайте знакомиться! Меня зовут Алевтина Игоревна, — негромко произнесла она, элегантно прикасаясь пальцами к украшению на шее, — вынуждена принести вам свои искренние извинения за столь необычное приглашение прибыть сюда против вашей воли. Но поверьте, иного выхода не было. Ведь эта территория относится к числу строго засекреченных.

Вся шестая группа пристально наблюдала за таинственной дамой, пытаясь разгадать её намерения. А сама Алевтина Игоревна задумчиво покачала головой, будто какая-то тайна угнетала её, томно вздохнула и продолжила:

— Я подумала, что у меня получится подобрать правильные слова и убедить, что вам повезло оказаться здесь. Ведь для всех без исключения важен смысл жизни, того, что вы оставляете после себя. Большая честь встать на защиту слабых, принести пользу обществу и при этом самому заработать на кучу денег. Хотя вам и придется быть невидимками, вы сможете управлять поистине героическими поступками. О вас могли бы слагать легенды, писать книги, но — увы, ваши имена будут скрыты для будущих поколений. Вы будете гордиться собой, поверьте!

— Заманчиво! Звучит как-то знакомо, где-то я уже слышала подобную речь. Тогда я чуть не угодила в лапы к мошенникам, — возразила симпатичная блондиночка, взмахивая длинными кудрями. Рядом с красивой дамой, она выглядела бледной молю.

— Светочка, я ожидала такой реплики именно от тебя. Понимаю, что изловили на улице, привезли сюда с мешком на голове. Ты напугана и злишься. Знаю, что ты никогда не была паинькой и подобное обращение ранило тебя.

— Это мало сказано. Интуиция никогда меня не подводила. Вот и сейчас чувствует мое сердце, что я попала в мышеловку, — продолжила Светка.

— Не волнуйся, милая мышка. Все будет в полном порядке. Конечно если, научишься пускать в ход зубки, будешь каждый день кушать сыр в неограниченном количестве и оставаться целой и невредимой.

— Так я кусаться что ли должна? — удивилась Светка.

— Кусаться, царапаться и драться и пользоваться самым мощным оружием — женским обаянием. Всё, что есть в твоём арсенале может принести пользу. Это относится и к остальным, кто останется в группе. Будет зависеть от обстоятельств и от умений каждого. Вам придётся заниматься слежкой, шпионажем, даже кражами важных документов.

— Тут снова напрашивается вопрос: почему выбор пал именно на нас? Я не вижу в своём окружении кого-то похожего на профессиональных тайных агентов. Мы больше походим на кучку испуганного молодняка, зашедшего сюда по ошибке.

— Зря ты так, Светочка. Ты недооцениваешь себя и своих коллег. Вы особенные, ваши достоинства уникальны. Хотя вы и молоды, но уже сумели проявить свои способности: хорошо дерётесь, отважны и одержимы инстинктами хищников. Но самое важное ваше преимущество заключается в одиночестве. У вас нет уязвимых мест, которыми могли бы воспользоваться враги. Никаких семейных уз, никакой привязанности, которую можно было бы использовать. Вас неинтересно брать заложники, ведь выкуп платить всё равно некому. Поэтому остается лишь чистая сила воли и независимая личность, не подконтрольная никому и ничему, кроме этой организации.

Бритоголовый парень небрежно махнул рукой:

— Уломала! Давай-ка сюда бумаги, я уже готов подписать. На воле я успел наворотить столько дел, что теперь лучше переждать в более безопасном месте. И, кажется, я попал куда надо. Отсижусь здесь, пока кипеж не уляжется, пусть ищут ветра в поле. Гран-мерси за такой подгон! Скоро там обо мне позабудут, а я вернусь свеженький и готовый к новым приключениям.

— Я тоже, пожалуй, в деле, — произнесла Карина, оглядываясь на Тину и ища в её взгляде поддержку, — в моей общаге ничего интересного кроме тараканов, а работы и денег у меня нет. Так, что - терять нечего. Никто не соскучится, если я исчезну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.